

Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.

Глава 3

Оглавление

Глава 5

Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск четвертый: XVII столетие.

Глава 4.

ПАТРИАРХ НИКОН

В XVII столетии достижение важного значения в обществе лиц простого происхождения было редкостью. Порода и богатство ценились выше личных достоинств; одна только церковь, безразлично для всех по происхождению, открывала путь и к высшим должностям и ко всеобщему уважению.

Патриарх Никон, один из самых крупных, могучих деятелей русской истории, родился в мае 1605 года, в селе Вельеманове, близ Нижнего Новгорода, от крестьянина, именем Мины, и наречен в крещении Никитою. Мать умерла вскоре после его рождения. Отец Никиты женился на другой жене, которая ввела к нему в дом детей от первого мужа. Злоба мачехи в древней Руси вошла в поговорку; но жена Мины была женщина особенно злого нрава. Стараясь кормить своих детей как можно лучше, она ничего не давала своему бедному пасынку, кроме черствого хлеба, беспрестанно бранила его, нередко колачивала до крови, и однажды, когда голодный Никита хотел было забраться в погреб, чтобы достать себе пищи, мачеха, поймавши его, так сильно ударила в спину, что он упал в погреб и чуть не умер. За такое обращение отец Никиты нередко бранился с женою, а когда слова не действовали, то и бил ее. Но это не помогало несчастному: мачеха отомстила мужнины побои на пасынке и даже, как говорят, замышляла извести его ¹. Когда мальчик подрос, отец отдал его учиться грамоте. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, он захотел изведать всю мудрость божественного писания, которое, по тогдашнему строю понятий, было важнейшим предметом, привлекавшим любознательную натуру. Он взял из дома отца несколько денег, удалился в монастырь Макария Желтоводского, нашел какого-то ученого старца и прилежно занялся чтением священных книг. Здесь с ним случилось событие, глубоко запавшее в его душу. Однажды отправился он с монастырскими служками гулять и зашел с ними к какому-то татарину, который во всем околodge славился тем, что искусно гадал и предсказывал будущее. Гадатель, посмотревши на Никона, спросил: "Какого ты роду?" - "Я простолюдин", - отвечал Никита. "Ты будешь великим государем над царством российским!" - сказал ему татарин.

Через несколько времени отец Никиты, вероятно, уже вдовый в то время, узнавши, где находится его сын, послал к нему своего приятеля звать домой и сказать, что бабушка его лежит при смерти. Никита воротился домой и вскоре лишился не только бабки, но и отца ².

Оставшись единственным хозяином в доме, Никита женился, но его неудержимо влекли к

себе церковь и богослужение. Будучи человеком грамотным и начитанным, он начал искать себе места и вскоре посвящен был в приходские священники одного села. Ему было тогда не более 20 лет от роду.

Никита перешел в Москву по просьбе московских купцов, узнавших об его начитанности. Он имел от жены троих детей, но все они померли в малолетстве один за другим. Это обстоятельство сильно потрясло впечатлительного Никиту. Смерть детей принял он за небесное указание, повелевающее ему отрешиться от мира, и решился удалиться в монастырь. Никита уговорил жену постричься в Московском Алексеевском монастыре, дал за нею вклад, оставил ей денег на содержание, а сам ушел на Белое море и постригся в Анзерском ските, под именем Никона. Ему было тогда 30 лет.

Житие в Анзерском ските было трудное. Братия, которой было не более двенадцати человек, жила в отдельных избах, раскинутых по острову, и только в субботу вечером сходилась в церковь. Богослужение продолжалось целую ночь; сидя в церкви, братия выслушивала весь псалтырь; с наступлением дня совершалась литургия; потом все расходились по своим избам. Царь ежегодно давал в Анзерский скит "руги" (царское жалованье хлебом и деньгами) по три четверти хлеба на брата, а рыбаки снабжали братию рыбою, в виде подаяния. Над всеми был начальным старец по имени Елеазар.

Спустя несколько времени, Елеазар отправился в Москву за сбором милостыни на постройка церкви и взял с собою Никона. В Москве анзерских монахов наделили щедро; они собрали до пятисот рублей и возвратились в свой скит. Но деньги нарушили доброе согласие, которое до того времени существовало между начальным старцем и Никоном. Первый держал деньги в ризнице; последний боялся, чтоб их не отняли лихие люди. Ссора дошла до того, что Елеазар не мог равнодушно смотреть на Никона, а Никон, сойдясь с каким-то богомольцем, посещавшим Анзерский скит, отправился вместе с ним на судне. Чуть было не погибнувши на пути от бури, Никон прибыл в Кожеозерскую пустынь, находившуюся на островах Кожеозера, и по своей бедности отдал в монастырь, - куда не принимали без вклада, - свои последние богослужебные две книги. Никон по своему характеру не любил жить с братиею и предпочитал свободное уединение; он поселился на особом острове и занимался там рыбною ловлею. Спустя немного времени, по кончине тамошнего игумена, братия пригласила Никона быть игуменом. На третий год после своего поставления, именно в 1646 году, он отправился в Москву и здесь явился с поклоном молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклоном к царям настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился кожеозерский игумен, что он тотчас же велел ему остаться в Москве, и, по царскому желанию, патриарх Иосиф посвятил его в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Место это было особенно важно, и архимандрит этого монастыря скорее, чем многие другие, мог приблизиться к государю: в Новоспасском монастыре была родовая усыпальница Романовых; набожный царь часто ездил туда молиться за упокой своих предков и давал на монастырь щедрое жалованье. Чем более беседовал царь с Никоном, тем более чувствовал к нему расположение. Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, легко привязываются к людям, которые им нравятся по своему складу, и всею душою к ним пристращаются. Алексей Михайлович приказал Никону ездить к нему во дворец каждую пятницу. Беседы с Никоном западали ему в душу. Никон, пользуясь расположением государя, стал просить его за утесненных и обиженных; это было по нраву царя. Алексей Михайлович еще более пристрастился к Никону и сам дал ему поручение принимать просьбы от всех тех, которые искали царского милосердия и управы на неправду судей; и Никона беспрестанно осаждали такие просители не только в его монастыре, но даже на дороге, когда он ездил из

монастыря к царю. Всякая правая просьба скоро исполнялась.

Никон приобрел славу доброго защитника, ходатая и всеобщую любовь в Москве. Никон, как близкий человек к царю, стал уже большим человеком.

Вскоре в судьбе его произошла новая перемена. В 1648 г. скончался новгородский митрополит Афанасий. Царь всем предпочел своего любимца, и бывший тогда в Москве иерусалимский патриарх Паисий, по царскому желанию, рукоположил новоспасского архимандрита в сан новгородского митрополита. Этот сан был вторым по значению в русской иерархии.

Алексей Михайлович был доверчив к тем, которых особенно любил. Помимо всех официальных властей, он возложил на Никона наблюдать не только над церковными делами, но и над мирским управлением, доносить ему обо всем и давать советы. Это приучило Никона и на будущее время заниматься мирскими делами. Подвиги нищелюбия, совершаемые митрополитом в Новгороде, увеличивали любовь и уважение к нему государя. Когда в новгородской земле начался голод, бедствие, как известно, очень часто поражавшее этот край, Никон отвел у себя на владычном дворе особую палату, так называемую "погребную", и приказал ежедневно кормить в ней нищих. Дело это возложено было на одного блаженного, ходившего босиком летом и зимою; кроме того, этот блаженный каждое утро раздавал нищим по куску хлеба и каждое воскресенье от имени митрополита раздавал старым по 2 деньги, взрослым по деньге, а малым по полденьге. Митрополит устраивал также богадельни для постоянного призрения убогих и испросил у царя средства на их содержание.

Всеми этими подвигами благочестивого нищепитательства Никон никому не становился на дороге, но вместе с тем он совершал иного рода подвиги, такие, которые тогда уже навлекли на него врагов: по царскому приказанию он посещал тюрьмы, расспрашивал обвиненных, принимал жалобы, доносил царю, вмешивался в управление, давал советы, и царь всегда слушал его. В письмах своих к Никону царь величал его "великим солнцем сияющим", "избранным крепкостоятельным пастырем", "наставником душ и телес", "милостивым, кротким, милосердным", "возлюбленником своим и содружебником" и т. п.; царь поверял ему тайное свое мнение о том или другом боярине. От этого уже тогда в Москве бояре не терпели Никона, как царского временщика, и некоторые говорили, что лучше им погибать в Новой Земле за Сибирью, чем быть с новгородским митрополитом. Не любили его подначальные духовные за чрезмерную строгость и взыскательность, да и мирские люди в Новгороде не питали к нему расположения за крутой властолюбивый нрав, несмотря на его нищелюбие, которое в сущности было таким же делом обрядового благочестия, как и заботы о богослужении. Будучи новгородским митрополитом, Никон начал совершать богослужение с большею точностью, правильностью и торжественностью. Несмотря на наружную набожность, в те времена, по старому заведенному обычаю, богослужение отправлялось нелепо: боялись греха пропустить что-нибудь, но для скорости, разом читали и пели разное, так что слушающим ничего нельзя было понять. Никон старался прекратить этот обычай, но его распоряжения не нравились ни духовным, ни мирянам, потому что через это удлинялось богослужение, а многие русские того века хотя и считали необходимостью бывать в церкви, но не любили оставаться там долго. Для благочиния Никон заимствовал киевское пение, да еще, кроме того, ввел в богослужение пение на греческом языке пополам со славянским. Каждую зиму ездил митрополит из Новгорода в Москву со своими певчими, и царь был в восторге, услышавши это пение, но многим - и в том числе патриарху Иосифу - не понравились эти нововведения.

В 1650 году вспыхнул новгородский бунт. Никон, и без того уже мало любимый, на первых

же порах раздражил народ своею энергическою мерою: он сразу наложил на всех проклятие. Если бы это проклятие было наложено только на некоторых, то могло бы подействовать на остальных, но проклятие, наложенное без разбора на всех, только ожесточило и сплотило новгородцев³. Ненависть к митрополиту выразилась уже тем, что мятежники поставили одним из главных начальников Жеглова, митрополичьего приказного, бывшего у него в опале. Сам Никон в письме своем к государю рассказывает, что когда он вышел уговаривать мятежников, то они его ударили в грудь, били кулаками и камнями: "И ныне, - писал он, - лежу в конце живота, харкаю кровью и живот весь распух; чаю скорой смерти, маслом соборовался"; но относительно того, в какой степени можно вполне доверять этому письму, следует заметить, что в том же письме Никон сообщает, что перед этим ему было видение: увидел он на воздухе царский золотой венец, сперва над головой Спасителя на образе, а потом на своей собственной. Новгородцы, напротив, жаловались царю, что Никон жестоко мучил всяких чинов людей и чернецов на правеже, вымучивая у них деньги; что он делает в мире великие неистовства и смуты. Царь во всем поверил Никону, хвалил его за крепкое стояние и страдание и еще более стал благоговеть перед ним; наконец, Никон, увидевши, что строгостью нельзя потушить мятежа, начал сам советовать царю простить виновным.

В 1651 году Никон, приехавши в Москву, подал царю совет перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Дело было важное: оно должно было внушить в народе мысль о первенстве церкви и о правоте ее, а вместе с тем обличить неправду светской власти, произвольно посягнувшей на власть церковную. В видах царского самодержавия этот совет должен был бы встретить противоречие; но царь сильно подчинился своему любимцу; притом же Никон представлял ему пример греческого царя Феодосия, который перенес мощи Иоанна Златоустого, изгнанного матерью царя Евдокией; Феодосий этим поступком исходатайствовал для грешной матери прощение у Бога. Царь не только согласился на предложение Никона, но еще сказал, что ему во сне явился Святой Филипп и велел перенести его мощи туда, где почивают прочие митрополиты. 20 марта 1652 года духовный собор, в угоду царю, одобрил это благочестивое желание, а вместе с тем царь, также по совету Никона, велел перенести в Успенский собор гробы патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря. Воображение царя пленялось торжественностью церемоний, сопровождавших эти религиозные события⁴.

В то время, когда Никон ездил в Соловки за мощами, скончался патриарх Иосиф. Это было вскоре после перенесения праха Иова, в четверг на страстной неделе. Царь извещал об этом Никона в очень пространным письме, в котором подробно описывал последние минуты умершего патриарха⁵, а в заключение просил Никона, вместе с Василием юродивым, иначе Вавилом (тем самым блаженным, который у Никона распоряжался питанием нищих), молить Бога, чтоб дал нового пастыря и отца; царь при этом делает намек, что преемник Иосифу есть уже на примете и говорит: "Ожидаем тебя, великого святителя, к выбору; того мужа три человека знают, я, да казанский митрополит, да мой духовный отец; сказывают: святой муж!"

Этот святой муж, втайне предназначенный царем, был не кто иной, как его любимец Никон. Ему готовил царь неожиданное величие.

Между тем Никон 3 июня прибыл в Соловки с грамотою от царя Алексея Михайловича к митрополиту Филиппу. Живущий на земле царь обращался к "небесному жителю, Христову подражателю, вышеестественному и бесплотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю", просил простить грех "прадеда" своего, царя Ивана, - чтобы, по выражению Святого Писания, "не было оскотины детям за то, что отцы ели терпкое", - и

просил возвратиться с миром восвояси. Царь своею рукою приписал: "О, священная глава, святыи владыка Филипп, пастырь, молим тебя, не презри нашего грешного моления и приди к нам с миром! Царь Алексей. Желает видеть тебя и поклониться святым мощам твоим!"

Это послание было прочитано у гроба Филиппа. Подняты были мощи страдальца. 9 июля привезены они были в Москву и торжественно положены в Успенском соборе.

Блжстием патриаршего престола, до избрания нового патриарха, был назначен ростовский митрополит Варлаам. По прибытии Никона созван был духовный собор. Все знали, что царь желал избрания Никона. Боярам очень не хотелось видеть его на патриаршем престоле. "Царь выдал нас митрополиту, - говорили они, - никогда нам такого бесчестия не было". Для соблюдения буквы устава выбрали двух кандидатов: Никона и иеромонаха Антония, того самого, который некогда был учителем Никона в Макарьевском монастыре. Жребий, как будто назло царю, пал на Антония. Последний, вероятно, в угоду царю, отказался. Тогда стали просить Никона. Никон отрекался, пока наконец 22 июля царь Алексей Михайлович, окруженный боярами и бесчисленным народом, в Успенском соборе, перед мощами Святого Филиппа, стал кланяться Никону в ноги и со слезами умолял принять патриарший сан.

"Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего, и дадут ли мне устроить церковь?" - спросил Никон. Царь, а за ним власти духовные и бояре поклялись в этом. 25 июля Никон сделался патриархом.

Первым делом его было основать для себя монастырь и прославить его новою святынею. То было давним церковным обычаем. Иерархи всегда почти старались положить начало какому-нибудь монастырю и, по возможности, дать ему высокий почет. Никон выбрал для этого место близ Валдайского озера и назвал свой монастырь Иверским, в честь Иверской иконы Богородицы, находящейся на Афоне. В то же время он отправил на Афон сделать список Иверской иконы, и когда каменная церковь была построена, поставил в ней эту икону, украсивши ее золотом и драгоценными камнями⁶. Вместе с тем он перенес туда мощи Иакова Боровицкого. Таким образом, новооснованный монастырь сделался предметом двойного поклонения. Пошли слухи о совершающихся в нем чудесах и исцелениях⁷.

Но гораздо важнейшее дело предпринял Никон в церковном строе богослужения. Давно уже, еще со времен Максима Грека, замечались разноречия в богослужебных книгах; естественно, отсюда возникала мысль о вкраившихся в этих книгах искажениях, о необходимости найти и узаконить единообразный правильный текст. Эта потребность усиливалась ощутительнее со введением книгопечатания, так как книгопечатание вообще, распространяя сочинения и расширяя круг читателей, давало последним побуждение доискиваться правильной передачи сочинений и возможность удобнее замечать и сравнивать разноречия. Печатное внушало к себе более доверия, чем писаное, так как предполагалось, что приступавшие к печатанию старались изыскивать средства передать издаваемое правильно. Введение книгопечатания сильно подвинуло и поставило на вид вопрос об исправлении богослужебных книг; при всяком печатании разноречие списков вызывало необходимость справщиков, которые должны были из многих различных списков выбирать то, что, по их убеждениям, надлежало признать правильным. Вопрос этот занимал умы возрастающим образом по мере умножения печатных книг церковного содержания.

Уже при патриархе Филарете сильно сознавалась потребность правильности текстов и необходимость обличать и уничтожать ошибки и искажения. В 1610 году уставщик Логгин

напечатал устав, который Филарет приказал сжечь, потому что там статьи были напечатаны "не по апостольскому и отеческому преданию, а своим самовольством". По повелению Филарета, был исправлен и напечатан несколько раз Потребник и Служебник и, кроме того, Минеи, Октоих, Шестоднев, Псалтырь, Апостол, Часослов, Триодь цветная и постная и Евангелие на престольное и учительное. В предисловии к Минеи выражено сознание, что хотя издавна богослужебные книги переведены были с греческого языка на славянский, но многие переводчики и переписчики иное выбросили, другое смешали. Филарет, как говорится в его Требнике 1633 года, приказывал собирать по всем городам древние харатейные списки разных переводов, по ним исправлять те погрешности, которые вошли туда по неисправности переписчиков и вследствие многолетних обычаев, дабы сочетать "во единогласие" все потребности и чины церковного священноначалия. Сам Филарет приказывал приносить к себе эти списки и просматривал их. Хотя он был человек умный и любознательный, но не имел той ученой подготовки, которая необходима была для такого дела, да и никто в то время не имел ее, потому что нужно было сличать переводы с греческими подлинниками и, следовательно, обладать основательными сведениями в греческом языке, литературе, церковной истории и древностях. Сознвая необходимость науки, Филарет основал при Чудовом монастыре еллино-славянскую школу, вероятно, по образцу западно-русских, и поставил там учителем грека иеромонаха Арсения. Преемник Филарета патриарх Иосиф также занимался печатанием богослужебных книг и также приказывал собирать из городов пергаментные списки, сличать их и издавать по исправлению, но сам лично не занимался этим. До какой степени были подготовлены к своему делу тогдашние московские справщики - показывает суждение о них грека Арсения: "Иные из этих справщиков едва азбуке умеют, а уж, наверное, не знают, что такое буквы согласные, двогласные и гласные, а чтоб разуместь восемь частей речи и тому подобное, как то: род, число, времена, лица, наклонения и залоги, то этого им и на ум не приходило!"⁸. После него, при патриархе Иосифе, выбрана была, так сказать, особая комиссия справщиков⁹. Они напечатали целый ряд богослужебных книг; сам Иосиф, человек неученый, вовсе не прикасался к этому делу и во всем положился на них. Увидя перед собою множество разнородных списков и не имея нужных сведений, чтобы сладить с ними, они руководствовались только наиболее распространенным обычаем; полагаясь на свою начитанность, они думали, что исполняют свое дело в совершенстве. Но вот в 1649 году приехал в Москву иерусалимский патриарх Паисий¹⁰. Он заметил, что в московской церкви есть разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении. Царь Алексей Михайлович очень встревожился этими замечаниями и отправил троицкого келаря Арсения Суханова на восток за сведениями. Но пока Арсений странствовал на востоке, Москву успели посетить другие греческие духовные особы и также делали замечания о несходстве русских церковных обрядов с греческими, а на Афоне монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати, как противные православному чину богослужения¹¹. Патриарх Иосиф был сильно озабочен и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Смерть избавила его от дальнейших тревог. Никон заступил его место, уже вполне задавшись мыслью о необходимости сделать такого рода исправления в богослужебных книгах и обрядах, которые бы привели русскую церковь к полному единству с греческой.

Чрезмерно сильная воля и жажда деятельности этого человека требовала себе пищи. Никон был не из таких натур, которые удовольствуются старою колеєю. Ему нужно было что-нибудь необычайное. Он хотел быть творцом, строителем, но воспитание, полученное Никоном, осудило его на слишком узкий кругозор: любимец Алексея Михайловича не мог вполне сделаться московским Петром Могилою. Ему негде было приобрести и усвоить ясных и сильных убеждений о необходимости просвещения, о научном образовании. Он не учился за

границею, подобно Могиле, и в среде, в которой он жил, не было ничего, что бы могло возбуждать его к высокому призванию сделаться просветителем своего народа. Он получил воспитание у желтоводского монаха, ограничивался чтением кое-каких церковных книг в плохих переводах, часто непонятных. Пробывши десять лет приходским священником, Никон поневоле усвоил себе всю грубость окружавшей его среды и перенес ее с собою даже на патриарший престол. В этом отношении он был вполне русский человек своего времени, и если был истинно благочестивым, то в старом русском смысле. Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении внешних приемов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; и у Никона благочестие не шло далеко за пределы обрядности. Буква богослужения приводит к спасению; следовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильнее. Таков был идеал церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни; эта буква подавляла богатую натуру Никона. Никон, как человек со светлым природным умом, начал говорить проповеди, которые с давних времен уже не говорились, но все-таки, подчиняясь духу своего времени и воспитания, он более или менее был буквалист, как называли его противники, в продолжение целых веков упорно стоявших и до сих пор стоящих за свою букву. Но горячо любя и уважая церковь, Никон заботился не только о приведении внешней ее стороны в надлежащее состояние; нужно было, чтобы и власть, которая наблюдала над церковью, была высоко поставлена. Задачею Никона было правильное единообразие церковной практики. Из этой задачи прямо истекала потребность и единой церковной власти, а эту власть находил он в себе, в своем патриаршем сане; и вот Никон, ревностно взявшись за дело достижения единообразия в церковной обрядности, логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти.

Подготовленный замечаниями восточных духовных, по своем вступлении в сан патриарха, Никон начал рыться в рукописях патриаршего книгохранилища. И вот - как рассказывается в предисловии к изданному при Никоне служебнику - патриарх, рассматривая грамоту вселенских патриархов на учреждение патриаршества в Московском государстве, обратил внимание на то, что в ней говорилось: "Православная церковь приняла свое совершение не только по богоразумию и благочестию догматов, но и по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новины всегда были виною смятений и разлучений в церкви; надлежит последовать уставам святых отец и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или убавления. Все святые озарились от единого Духа и установили полезное; что они анафеме предадут, то и мы проклинаяем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем: пусть православная великая Россия во всем будет согласна со вселенскими патриархами".

В то же время Никон обратил внимание на символ веры, вышитый на саккосе митрополита Фотия; этот символ разнился с символом в том виде, в каком пели его во времена Никона: в старом символе не было прибавления слова "истинного" о Св. Духе; против этого прибавления еще вооружался Дионисий; равным образом, в старом символе написано было: "его же царствию не будет конца", тогда как при Никоне проносили: "его же царствию несть конца". Пересматривая богослужебные книги, Никон убедился, что в них есть значительные отмены против греческого текста. В это время Никон находился под влиянием Арсения грека, который, по подозрению в латинстве, был сослан в Соловки при патриархе Иосифе и возвращен Никоном. Не меньше влияния оказывал Епифаний Славинецкий, который с другими киевскими монахами был призван боярином Ртищевым в Москву. С Востока воротился Арсений Суханов и 26 июля 1653 года подал царю и патриарху свой отчет о путешествии по греческим островам,

о пребывании в Александрии, Иерусалиме и Грузии. Записки его носят название: "Проскинитарий" (Поклонник). Арсений остался приверженцем русской старины и описал черными красками поведение восточных духовных, недостаток благоговения при богослужении; однако он не скрыл и того, что везде на Востоке употребляется троеперстное крестное знамение и соблюдаются те приемы, по поводу которых греческие духовные укоряли русскую церковь.

По этим-то побуждениям Никон убедил царя созвать собор русских иерархов, архимандритов, игуменов и протопопов. Всех духовных было 34 человека. Царь со своими боярами присутствовал на этом соборе. Никон произнес на нем речь и тогда же высказал в ней свой взгляд на равенство церковной власти со светскою. "Два великих дара даны человеком от Вышнего по Божьему человеколюбию - священство и царство. Одно служит божественным делам, другое владеет человеческими делами и печется о них. Оба происходят от одного и того же начала и украшают человеческое житие; ничто не делает столько успеха царству, как почтение к святителям (святительская честь); все молитвы к Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будет согласие между обоими властями, то настанет всякое добро человеческой жизни". Никон указал на слова грамоты вселенских патриархов, поразившие его, и сказал: "Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами. Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки, или же руководствоваться древним, греческим и славянским (текстом), так как они оба представляют один и тот же чин и устав?" На этот вопрос собор дал в ответ такое же решение, какое высказываемо было не раз при прежних патриархах. "Достойно и праведно исправлять, сообразно старым харатейным и греческим спискам".

Вслед за этим Никон отставил всех прежних справщиков и передал как типографию, так и дело исправления книг Епифанию Славинецкому с его киевскою братией и греку Арсению. Никон и царь дали приказание усиленно собирать по всем монастырям старые харатейные списки и присылать в Москву. Никон снова отправил Арсения Суханова на Афон просить греческих книг. Между тем у Никона явились враги: то были отставленные справщики, которых самолюбие было сильно задето. Они кричали против Никона, что он поддается наущениям киевлян, зараженных латинской ересью. Горячими его противниками сделались тогда протопоп Иван Неронов и друг Неронова юрьевский протопоп Аввакум, живший в доме его, во время своего пребывания в столице ¹². К ним присоединились епископ коломенский Павел и несколько архимандритов и протопопов, присутствовавших на соборе и не подписавших его приговора.

Чтобы придать более освящения начатому делу, Никон отправил, через одного грека, по имени Мануила, к константинопольскому патриарху Паисию двадцать шесть "вопрошений", которые касались разных вопросов богослужения и в том числе спорных пунктов; вместе с тем Никон жаловался на коломенского епископа Павла, на протоиерея Неронова и на их сообщников. Московский патриарх спрашивал совета константинопольского: как поступить с непослушными.

Началась у московского государства война за Малороссию; Никон с особенным рвением благословлял царя на эту войну своим советом, вероятно, побуждаемый к тому же своими киевскими справщиками, хлопотавшими в Москве о помощи своему отечеству. Отправляясь в

поход, царь доверил патриарху, как своему ближайшему другу, свою семью, свою столицу и поручил ему наблюдение за правосудием и ходом дел в приказах. Все боялись Никона: ничего важного не делалось без его совета и благословения. Он не только, по примеру Филарета, стал называть себя "великим государем", но, во время отсутствия Алексея Михайловича, как верховный правитель государства, писал грамоты (напр. о высылке подвод на службу под Смоленск), в которых выражался так; "Указал государь, царь, великий князь всея Руси, Алексей Михайлович и мы, великий государь..." Во время постигшей Москву заразы, Никон сделал распоряжение поставить в разных местах заставы, чтобы, на время заразы, пресечь сообщение с войском, в котором был государь, приказал в Москве заложить кирпичом царские кладовые и не выпускать никого из тех дворов, где появится зараза, а сам выехал вместе с царским семейством в Вязьму. Тогда враги, в его отсутствие, начали возмущать народ и толковать, что бедствие постигает православный народ за еретического патриарха. Толпа принесла на сходку к Успенскому собору образ Спасителя, на котором стерлось изображение; некто Софрон Лапотников говорил, что этот образ выскоблен был по приказанию патриарха, и ему, Софрону, было от этого образа видение: велено показать образ мирским людям, чтобы все восстали за поругание икон. Народ сердился за то, что Никон дал волю еретикам печатать книги; какая-то женщина из Калуги кричала всенародно, что ей было видение, запрещающее печатать книги. Никону ставили в вину, что он покинул столицу, а за ним разбежались и приходские священники. Патриарх в своем управлении был до чрезвычайности строг, и множество попов находилось у него под запрещением; они-то и были повсеместными возмутителями толпы. Оставленный в столице князь Пронский с большим трудом успокаивал народное волнение, и вопрос о состоявших под запрещением попах был до того важен, что старосты и сотские московских сотен и слобод, не пристававшие к мятежникам, ради всеобщего успокоения, били челом патриарху, чтоб он разрешил опальных священников, потому что много церквей остается без богослужения, некому напутствовать умирающих и погребать мертвых.

По возвращении царя в Москву, Никон опять занялся церковным преобразованием. Арсений Суханов, не жалея издержек, достал с Афона до пятисот рукописей, из которых некоторым приписывали глубокую древность. Славинецкий и грек Арсений с братией ревностно трудились над исправлением богослужебных книг, а между тем пришел ответ от константинопольского патриарха Паисия. Паисий извещал, что он созывал собор в Константинополе и на этом соборе составлены ответы на присланные Никоном "вопрошения". "Вижу, - писал Паисий, - в грамотах преблаженства твоего, что ты жалеешь о несогласиях, возникших по поводу некоторых церковных чинов, и думаешь, что это различие чинов растлевает веру нашу. Хвалим твою мысль: кто бережется малого преступления, тот соблюдается от великого. Еретиков и раздорников следует убеждать, если они соглашаются в самых важных предметах, но не вполне согласны с православием и придерживаются чего-нибудь своего, чуждого церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая-нибудь церковь различествует от другой в некоторых не особенно важных и несущественных вещах, т.е. не прикасающихся "свойственным составам веры", - напр., во времени отправления богослужения и т.п., то это не должно быть поводом к разлучению, лишь бы только непреложно сохранялась та же вера. Церковь наша не сначала приняла на себя тот образ и последование, какое держит ныне; не сразу, а помалу". Паисий ссылается на Епифания кипрского в том, что церковь в разных местах принимала различные степени поста и мясоядения, ссылается на Василия Великого, из которого видно, что неокесарийская церковь не принимала того, что принималось в других местах. "Не следует, - продолжает Паисий, - и ныне думать, будто наша православная вера развращается оттого, если один говорит свое последование немного различно от другого в несущественных вещах, лишь бы только согласовался в важнейших, свойственных соборной церкви". Ответ довольно уклончивый:

можно было давать по произволу то более широкий, то более узкий смысл тому, что признавать несущественным. Сам Паисий, представивший в "Ответах" на "Вопрошения" Никона подробное объяснение литургии, говорит: "Именем Иисуса Христа молим твое преблагенство, утоли эти распри твоим разумом; не подобает ссориться рабам Господним, а наипаче в вещах неважных и несущественных; увещевай их принять сей чин, который мы пишем вам, которого держится вся восточная церковь. Изначала у нас, по преданию, он сохраняется; ни в единой вещи не было изменения; за это нам хвала, потому что прочие церкви, отделившись от нас, приняли многие нововведения, а мы - ничем не растлеваемся". Таким образом, предоставляя свободу в неважных приемах богослужения, константинопольский патриарх, однако, требовал точного единства с восточной церковью в литургии и вообще в богослужении. О коломенском епископе и протопопе Неронове Паисий дал такое решение: "Все это знамение ереси и раздора, и кто так говорит и верует, как они, тот чужд православной нашей веры"; Паисий советует их отлучить, если они не примут нелицемерно все так, как "держит и догматствует церковь"; он сравнивает их с арианами, кальвинистами, лютеранами, которые, под видом исправления, покинули "недвижное и истинное" в церкви. "Их молитвы, - говорит патриарх, - хулы, потому что они полагают в сомнение моление наших святых и затевают вводить новые чины, которым мы никогда не научились от наших отцов, предавших нам веру". В "Ответах" Паисия много излагается и такого, что уже в русской церкви было согласно с греческою; но относительно крестного знамения Паисий указывает на сложение трех первых перстов, как на древний обычай поклонения, и различает молебное перстосложение от благословящего, которое должно изображать имя Иисуса Христа в четырех буквах (IC XC). "До нас дошло, - замечает Паисий, - что в ваших церковных чинах есть еще кое-какие различия, несогласные с нашей восточной церковью; удивляемся, что ты о них не спрашиваешь. Желаем, чтобы все это исправилось". Между прочим, патриарх порицал русскую церковь за то, что в русских храмах женщины и мужчины сходятся вместе и во время богослужения не стоят раздельно: "Женщине следует безмолвствовать, а тут невозможно сохранять безмолвие, когда сойдется с женщинами много мужчин разного возраста".

По этому ответу, Никон собрал снова собор, на котором, кроме русских архиереев, был антиохийский патриарх Макарий, сербский Михаил и митрополиты никейский и молдаванский. Сам Никон называл себя "великий государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великие, Малые и Белые России и многих епархий, земли же и моря сея земли патриарх".

Этот собор положил держаться того, что решено было на предшествовавшем московском соборе и как велит константинопольский патриарх. Голос антиохийского патриарха Макария энергически решал правильность троеперстия. Замечательный ответ его был выражен так: "Мы приняли предание изначала веры от Св. апостол и Св. отец и семи соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами десной руки, и кто из христиан православных не творит крестного знамения по преданию восточной церкви, сохраняемого от начала веры до сих пор, тот еретик и подражатель арменов: того ради, мы считаем такового отлученным от Отца и Сына и Св. Духа и проклятым". Никейский митрополит прибавил: "На том, кто не крестится тремя перстами, пребудет проклятие трехсот восьмидесяти Св. отец, собиравшихся в Никее и прочих соборов".

Таким образом, собор этот объявил решительную войну двуперстному сложению. Дело было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложение, как повсеместное у восточных православных народов, действительно имело за собою все признаки древности и правильности, то не надобно было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстным

сложением и уважала многих святых, которые несомненно осеняли себя таким же крестным знаменiem. Возложить проклятие на двуперстие, в глазах противников Никона, значило предать проклятию святых русской церкви, отрешиться разом от священных преданий. Восточные архиереи, чуждые России, могли отнестись, не зная ни духа русского народа, ни склада его понятий, так легко к этому вопросу, не сообразивши всех условий; Никон, природный русский человек, мог поступить так круто и легкомысленно в этом деле, только по тому безмерному властолюбию, которое очень часто бывает свойством людей с твердым характером, горячо принимающихся за важное дело своего убеждения. При более благоразумном и осторожном способе действий исправление буквы в русской церкви совершилось бы тихо, без больших потрясений. Никон своим упорством и горячностью дал зародыш печальных событий на будущее время, тем более, что его ошибка неизбежно повлекла за собою другие; так всегда в истории мы замечаем, что стоит только историческому деятелю в важную минуту стать на ложную дорогу, то уже трудно бывает сойти с нее, и ему самому, и его преемникам и последователям.

Никон издал новый служебник с текстом, исправленным против прежних печатных изданий и сверенным с греческим. В предисловии к этому служебнику он изложил поводы, побудившие его к исправлению богослужебных книг, и деяния первого собора в Москве, одоббившего его предприятие. Он приказывал повсюду рассылать и вводить в употребление при богослужении новый служебник. Затем, по его приказанию, грек Арсений перевел с греческого книгу "Скрижаль", заключающую в себе порядок и объяснение литургии и таинств. В эту Скрижаль внесено изложение бывших при Никоне соборов об исправлении книг, ответ константинопольского патриарха Паисия и статьи, относящиеся к вопросу о крестном знамении в защиту троеперстного сложения. Статья "О еже коими персты десные руки изображается крест" вооружается против разных способов неправильного исполнения крестного знамения. Были такие, которые крестились, полагая руку сначала на лоб, а потом - не на живот, а на правое плечо. "Такие, - говорит статья, - должны быть отлучаемы и проклинаемы. Это - поругание крестного знамения, а не знамение его. Это значит - исповедать вознесение сына Божия на небеса, не творя его соития на землю". Люди, таким образом полагавшие крестное знамение, составляли, вероятно, незначительное исключение; зато двуперстников было очень много. "Скажите, - говорится в этом сочинении, - вы, соединяющие великий перст с двумя малыми последними, имеющими между собою неравенство и местный разлад, как можете вы исповедывать таинство Пресвятой Троицы, со-присущной и равнославной? Поистине, неприличен ваш способ изображения того первообразного, в котором нет ни первенства, ни последовательности, ни большинства, ни меньшинства!" Защитники двуперстия объясняли свое крестное знамение, будто оно изображает божественную и человеческую природу Спасителя. Им на это делается такое замечание: "Смотрите, чтоб вы не впали в мудрование о двух ипостасях в Иисусе Христе, подобно Несторию, говорившему, что иной Сын Бог Слово, а иной - Иисус из Назарета, простой человек. Так и вы, в трех пальцах, изображающих Св. Троицу, уже указываете сыновнюю ипостась, а потом, особо отделивши, указываете еще иную ипостась в указательном и среднем пальцах". Двуперстники говорили, что некогда антиохийский патриарх Мелетий спорил с арианами; желая убедить их в силе крестного знамения, он показал им три перста, и от этого не произошло никакого знамения, а как сложил два перста и один пригнул, то "бысть знамение - огонь изыде". Никон доказывал им, что они здесь не понимают смысла того, что читают: Мелетий показал три перста раздельно и не было знамения, а как сложил указательный и средний вместе, да к ним пригнул большой перст, так и сотворилось тогда знамение. Вот оно и значит - троеперстное знамение! Двуперстники ссылались на ходившее в разных сборниках слово Феодорита; Никон возражал, что не знает, о каком Феодорите ¹³ идет дело. Наконец, двуперстники ссылались на Максима Грека; им на это

замечали, что Максим Грек, хотя был человек ученый, но, снисходя к русскому обычаю и много пострадавши, мог писать и неправильно от страха наветов.

Снова, в апреле 1656 года, собран был собор, на котором Никон представил свою скрижаль. Собор утвердил ее и еще раз произнес проклятие над двуперстниками. По мудрствованию этого собора, соединение двух последних пальцев с большим выражало неравенство Св. Троицы, а два простертые пальца, средний и указательный, означали последование Несториевой ереси. Вместе с тем предано проклятию (мнимое) слово Феодоритово, на которое ссылались двуперстники. Никон подвинул этим еще далее разрыв с прошедшим. Противники его с ужасом толковали, что Никон и согласные с ним духовные, таким образом, признали еретиками всех святых русской церкви, которые, без сомнения, употребляли двуперстное знамение.

По совету, данному константинопольским патриархом, Никон начал поступать решительно со своими противниками: Павел Коломенский был лишен сана и сослан; Неронов был отправлен в заточение в Вологодский монастырь. Вонифатьев покорился и скоро сам ходатайствовал за Неронова; Никон простил последнего; Неронов постригся в монахи под именем Григория. Аввакум, самый зазорнейший противник нововведения, был сослан в Даурию с женою и семьею. Протопопы Логгин и Данило заключены в тюрьмы и там скоро умерли. Но этими ссылками и заточениями нельзя было утишить волнения. Когда патриарх разослал свои новые богослужебные книги и приказывал служить по ним и креститься тремя перстами, ропот поднялся разом во многих местах. Оставшиеся пока нетронутыми, бывшие справщики: Никита Пустосвят в Суздале и Лазарь в Романове, возбуждали народ к неповиновению. Соловецкий монастырь, исключая немногих старцев, воспротивился вместе со своим архимандритом. Новые учителя восстали, - говорили там, -они отвращают нас от истинной веры, велят служить на лядских крыжах по новым служебникам; не будем принимать латинской службы и еретического чина. Пример такого уважаемого монастыря, как Соловецкий, придавал много силы противодействию Никоновым намерениям. Кроме крестного знамения, поднялись старые толки о сугубом и трегубом аллилуия; защитники старины видели ересь в написании имени Иисус, вместо Исус, как писали и печатали прежде по невежеству. Начались толки об осьмиконечном и четвероконечном кресте. Распространились мистические предсказания о скором появлении Антихриста, которое, по апокалипсическим вычислениям, приходилось на 1666 год. Пошли ходить по рукам грамотеев книги "О Вере" и "Орел", где тогдашние мудрецы излагали свои прорицания о последних временах мира. Всего более помогло развитию противодействия то, что было много не любивших Никона. Бояре, за исключением немногих, не терпели его за постоянное вмешательство в мирские дела и за резкие выходки. Духовенство было озлоблено против него за надменность, строгость и притеснения, которые терпело оно от его приказных. Никон требовал от священников трезвой жизни, точного исполнения треб и, сверх того, заставлял их читать в церкви поучения народу - новост, которая не нравилась невежественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность в исполнении своих обязанностей, посадить на цепь, мучить в тюрьме и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Патриарх был суров в обращении: "У него, - говорили духовные, -устроено подобно адову подписанию; страшно к воротам приблизиться". Нельзя было явиться перед ним без трепета: "Знаете ли, кто он, - говорили священники, - зверь лютый, медведь или волк?" Ставленники проживали в Москве по несколько месяцев, стесняемые разными формальностями, давали взятки патриаршим дьякам, по несколько часов должны были они выстаивать на морозе, тогда как прежде их пускали дожидаться в доме. Никон имел привычку часто переводить священников из церкви в церковь. Это было разорительно не только от неизбежных расходов при перемещении с места на место, но еще и

потому, что такие переводимые попы должны были брать в Москве "перехожие" грамоты, а пока их достанут - проживаться в столице, между тем как их семейства бедствовали без всяких средств. Патриарший дьяк Иван Кокошилов, известный своим взяточничеством еще при патриархе Иосифе, бесцеремонно брал взятки со священников, имевших дело в патриаршем приказе, не только сам, но через жену свою и людей. По всем городам патриарх обложил данью дворы священно- и церковнослужителей и просвирен, брал с каждой четверти земли, с копны сена; у него даже нищие были обложены данью. Так, по крайней мере, говорили о нем. В челобитной, поданной государю на Никона, говорилось: "Видишь ли, свет премилостивый, он возлюбил стоять высоко и ездить широко". Указывая на его вмешательство в мирские дела, духовные выражались: "Он принял власть строить, вместо Евангелия - бердыши, вместо креста - топорки на помощь государю, на бранные потребы". Народ осуждал его за бегство из Москвы во время моровой язвы, которая и потом повторялась в России, и приписывал это бедствие правлению и поступкам своего патриарха. Пророки и сновидцы возмущали умы своими ложными откровениями против Никона. Патриарх в 1656 году написал всенародную грамоту, где убеждал не верить лжепрорицателям, и доказывал Священным Писанием, что убежать от моровой язвы и вообще от бедствия - не составляет греха. Но народ, привыкши к прежнему крестному знамению, увидя внезапное изменение церковных обычаев, более расположен был верить врагам Никона, убеждавших русских людей хранить древнее благочестие, чем голосу патриарха, ненавидимого духовенством. Русские архиереи, участвовавшие вместе с Никоном в преобразованиях, также не терпели его за гордое обращение. Была у Никона одна сильная подпора в царе, но скоро он потерял и ее.

До сих пор мы не знаем в подробностях, как произошло охлаждение царя Алексея Михайловича, считавшего прежде патриарха своим лучшим другом. В 1656 году Никон был еще в силе, и его влиянию, между прочим, принадлежит несчастная война, предпринятая против Швеции. В 1657 году, по-видимому, также отношения между царем и патриархом еще были хороши. В это время патриарх занимался постройкой нового монастыря. Верстах в сорока от Москвы понравилось ему место, принадлежавшее Роману Боборыкину, на реке Истре. Никон купил у владельца часть его земли с селом и начал основывать там монастырь. Сперва он построил деревянную ограду с башнями, а в середине деревянную церковь и пригласил на освящение церкви царя Алексея Михайловича. "Какое прекрасное место, - сказал царь, - как Иерусалим!" Никону понравилось это замечание, и он задумал создать подобие настоящего Иерусалима: послал Арсения Суханова снова на Восток с целью достать и привезти точный снимок с иерусалимского храма Воскресения. Между тем он дал палестинские названия окрестностям своей начинающейся обители: явился Назарет, явилось село Скудельничье и т. п.; гору, с которой любовался царь, назвал Никон Елеоном, а реку Истру - Иорданом. Но потом, мало-помалу, на Алексея Михайловича начали оказывать влияние враги Никона, бояре: Стрешнев, Никита Одоевский, Трубецкой и другие. Бояре, как видно, задели чувствительную струну в сердце царя; бояре указали ему, что он не один самодержец, что, кроме него, есть еще другой великий государь. Алексей Михайлович был из таких натур, которые не могут жить без друзей и всегда поддаются их влиянию, но когда спохватятся и увидят свою зависимость - им делается стыдно, досадно и прежняя дружба начинает тяготить их. Царь, не ссорясь с Никоном, стал отдаляться от него. Никон понял это и не искал объяснений с царем, но вельможи, заметивши, что патриарх уже не имеет прежней силы, не утерпели, чтобы не дать ему этого почувствовать.

Сам царь развил в этом человеке властолюбие; он приучил его вмешиваться в государственные дела, и патриарху трудно было держаться в стороне от них. Зависимость церкви от государственной власти казалась ему нестерпимой, по мере того, как он терял

прежнюю силу и влияние на дела государственные. С этих пор у него естественно, если не в первый раз явилось, то сильнее развилось стремление поставить духовную власть независимо от светской и церковь - выше государства. Это ясно видно из его критики на Уложение, которое подчинило духовных лиц суду приказов: монастырского и дворцового. "Ответ" Никона, хотя написан позже, но в нем отразился тот взгляд патриарха, который неминуемо должен был привести его в столкновение с верховною светскою властью ¹⁴.

Летом 1658 наступила явная размолвка. Приехал в Москву грузинский царевич Теймураз; по этому поводу был во дворце большой обед. Никона не пригласили, хотя прежде в подобных случаях ему оказывали первую честь. Патриарх послал своего боярина, князя, по имени Дмитрий, за каким-то церковным делом, как он сам говорил, или для того, чтобы высмотреть, что там делалось, как говорили другие. Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово, расчищавший в толпе путь для грузинского царевича, ударил по голове палкой патриаршего боярина.

- Напрасно бьешь меня, Богдан Матвеевич, - сказал патриарший боярин, - мы пришли сюда не просто, а за делом. - А ты кто таков? - спросил окольничий. - Я патриарший человек, за делом послан, - отвечал Дмитрий.

- Не дорожись! - сказал Хитрово и еще раз ударил Дмитрия по лбу.

Патриарший боярин Дмитрий с плачем вернулся к Никону и жаловался на обиду.

Никон написал царю письмо и просил суда за оскорбление своего боярина.

Царь отвечал ему собственноручно: "Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду".

Однако прошел день, другой: царь не повидался с Никоном и не учинил расправы за оскорбление его боярина. Наступило 8-е июля, праздник иконы Казанской Богородицы. В этот праздник патриарх обыкновенно служил со всем собором в храме Казанской Божией Матери. Царь с боярами присутствовал на богослужении. Накануне, когда пришло время собираться к вечерне, патриарх послал к царю священника с вестью, что патриарх идет в церковь. Царь не пришел; не было его в церкви и в самый день праздника. Никон понял, что царь озлобился на него. 10-го июля был праздник ризы Господней. Тогда, по обычаю, царь присутствовал при патриаршем богослужении в Успенском соборе. Никон посылал к царю перед вечернею, а потом и перед заутренею. Царь не пришел и послал к Никону своего спальника, князя Юрия Ромодановского, который сказал: "Царское величество на тебя гневен: оттого он не пришел к заутрени и повелел не ждать его к святой литургии". Никон спросил: за что царь на него гневается? Юрий Ромодановский отвечал: "Ты пренебрег его царским величеством и пинешься великим государем, а у нас один великий государь - царь".

Никон возразил на это: "Я называюсь великим государем не собою. Так восхотел и повелел его величество. На это у меня и грамоты есть, писанные рукою его царского величества".

Ромодановский сказал: "Царское величество почтил тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не уразумел; а ныне царское величество велел тебе сказать: отныне не пишись и не называйся великим государем; почитать тебя впредь не будет".

Самолюбие Никона было уязвлено до крайней степени. Стал он думать и решился произнести торжественно отречение от патриаршей кафедры, вероятно, рассчитывая, что кроткий и набожный царь испугается и поспешит помириться с первосвятителем. В тот же

день, после посещения Ромодановского, он сказал о своем намерении патриаршему дьяку Каликину. Каликин уговаривал Никона не делать этого; Никон стоял на своем. Каликин сообщил боярину Зюзину, другу Никона. Зюзин велел передать Никону, чтобы он не гневил государя; иначе - захочет воротиться назад, да будет поздно. Никон несколько призадумался, стал было писать, но потом разорвал написанное, сказал: "Иду!" Он приказал купить себе простую палку, какую носили попы.

В тот же день патриарх отслужил в Успенском соборе литургию, а во время причастия дал приказание, чтобы никого не выпускали из церкви, потому что он намерен говорить поучение. При конце обедни Никон стал говорить поучение. Прочитавши сначала слово из Златоуста, Никон повернул речь о себе: "Ленив я стал, - сказал он, - не гоюсь быть патриархом, окоростевел от лени, и вы окоростевели от моего неучения. Называли меня еретиком, иконоборцем, что я новые книги завел, камнями хотели меня побить; с этих пор я вам не патриарх..."

От такой неожиданной речи в церкви поднялся шум; трудно было расслышать, что далее говорил Никон. Одни после того показывали, будто он сказал: "Будь я анафема, если захочу быть патриархом!" Другие отрицали это. Как бы то ни было, кончивши свою речь, Никон разоблачился, ушел в ризницу, написал царю письмо, надел мантию и черный клобук, вышел к народу и сел на последней ступени амвона, на котором облачаются архиереи. Встревоженный народ кричал, что не выпустит его без государева указа. Между тем царь уже узнал о том, что происходит в Успенском соборе. "Я будто сплю с открытыми глазами!" - сказал он и отправил в собор князя Трубецкого и Родиона Стрешнева.

- Для чего ты патриаршество оставляешь? - спросил Трубецкой. - Кто тебя гонит?

- Я оставляю патриаршество сам собою, - сказал Никон и послал письмо царю.

В другой раз пришел к нему от царя Трубецкой с товарищем сказать, чтобы он не оставлял патриаршества. - Даю место гневу царского величества, - сказал Никон. - Бояре и всякие люди церковному чину обиды творят, а царское величество управы не дает и на нас гневает, когда мы жалуемся. А нет ничего хуже, как царский гнев носить.

- Ты сам, - сказал боярин Трубецкой, - называешь себя великим государем и вступаешь в государевы дела.

- Мы, - сказал Никон, - великим государем не сами назвались и в царские дела не вступаемся, а разве о правде какой говорили или от беды кого-нибудь избавляли, так мы архиереи, - на то заповедь приняли от Господа, который сказал: "Слушая заповедь Мене слушает".

Вдобавок он просил у государя себе келью; ему отвечали, что келей на патриаршем дворе много: может жить в любой¹⁵. Затем Никон снял с себя мантию, вышел из церкви и ушел пешком на подворье Воскресенского монастыря.

Он пробыл там два дня, быть может, дожидаясь, что царь, по крайней мере теперь, позовет его и захочет с ним объясниться, но царь не звал его. Никон отправился в Воскресенский монастырь на двух плетеных повозках, которые тогда назывались киевскими, написавши царю письмо в таком смысле: "По отшествии боярина вашего Алексея Никитича с товарищами, ждал я от вас, великого государя, милостивого указа по моему прошению; не дождался, - и многих

ради болезней велел отвезти себя в Воскресенский монастырь".

Вслед за Никоном приехал в Воскресенский монастырь боярин Трубецкой, но не с мировой, не с просьбой о возвращении в столицу. Боярин сказал ему: "Поддай великому государю, государыне царице и их детям свое благословение, благослови того, кому Бог изволит быть на твоём месте патриархом, а пока патриарха нет, благослови ведать церковь крутицкому митрополиту". Никон дал на все согласие; просил, чтоб государь, царица и их дети также его простили, бил челом о скорейшем избрании преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была беспастырною и, в заключение, подтвердил, что он сам не хочет быть патриархом.

Казалось, дело было совершенно покончено. Правитель церкви сам отрекся от управления ею, - случай не редкий в церковной истории, - оставалось избрать на его место другого законным порядком. Но царь начал колебаться: с одной стороны, в нём говорило прежнее дружеское чувство к Никону, с другой - бояре настраивали его против патриарха, представляя ему, что Никон умаляет самодержавную власть государя. Царь боялся раздражить бояр, не принимал явно стороны ненавидимого ими патриарха, но отправил через Афанасия Матюшкина Никону свое прощение; потом - посылал к нему какого-то князя Юрия, приказывал передать, что все бояре на него злобствуют, - один только царь и посланный князь Юрий к нему добры. Между тем царь не посмел тогда просить его о возвращении на патриаршество. Никон, как будто забывши о патриаршестве, деятельно занимался каменными постройками в Воскресенском монастыре, копал возле монастыря пруды, разводил рыбу, строил мельницы, рассаживал сады, расчищал леса, всегда показывал пример рабочим, трудясь наравне с ними. Царь не раз жаловал ему щедрую милостыню на создание монастыря, на прокормление нищих и, в знак особого внимания, в большие праздники и свои семейные торжества, посылал ему лакомства, которые он отдавал на трапезу всей братии.

Но потом вмешательство Никона в церковные дела опять вооружило против него царя ¹⁶, и царь, по наговору бояр, запретил сноситься с Никонem, приказал сделать обыск в его бумагах и перестал оказывать ему прежние знаки внимания.

В июле 1659 года Никон, узнавши о том, что делается в Москве с его бумагами, написал царю резкое письмо: "Ты, великий государь, - писал он, - через стольника своего Афанасия Матюшкина прислал свое милостивое прощение: теперь же слышу, поступаешь со мной не как с прощенным, а как с последним злодеем. Ты повелел взять мои вещи, оставшиеся в кельи, и письма, в которых много тайного, чего не следует знать мирянам. Божьим попущением, вашим государским советом и всем освященным собором я был избран первым святителем, и много ваших государевых тайн было у меня; кроме того, многие, требуя прощения своих грехов, написывали их собственноручно и, запечатавши, подавали мне, потому что я, как святитель, имел власть, по благодати Божией, разрешать им грехи, которые разрешать и ведать никому не подобало, да и тебе, великому государю. Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения: ты прежде страшился судить простых церковных причетников, потому что этого святые законы не повелевают, а теперь захотел ведать грехи и тайны бывшего пастыря, и не только сам, да еще попустил и мирским людям: пусть Бог не поставит им во грех этой дерзости, если покаются! Если тебе, великий государь, чего нужно было от нас, то мы бы для тебя сделали все, что тебе подобает. Все это делается, как мы слышали, лишь для того, чтобы у нас не осталось писания руки твоей, где ты называл нас великим государем. От тебя, великий государь, положено было этому начало. Так писал ты во всех твоих государевых грамотах; так писано было и в отписках всех полков к тебе и во всяких делах. Этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое проименование, происшедшее не по моей воле. Надеюсь на

Господа: нигде не найдется моего хотения или веления на это, разве кроме лживых сплетен лжебраций, от которых я много пострадал и страдаю. Все, что нами сказано смиренно, - перетолковано, будто сказано было гордо; что было благохвально, то пересказано тебе хульно, и от таких-то лживых словес поднялся против меня гнев твой! Думаю, и тебе памятно, великий государь, как, по нашему приказанию, велели кликать нас по трисвятом великим господином, а не великим государем. Если тебе это не памятно, изволь допросить церковников и соборных дьяков, и они тебе тоже скажут, если не солгут. Прежде я был у твоей милости единотрапезен с тобою: ты меня кормил тучными брашнями; а теперь, июня в 25 день, когда торжествовалось рождение благоверной царевны Анны Михайловны, все веселились от твоей трапезы; один я, как пёс, лишен богатой трапезы вашей! Если бы ты не считал меня врагом, то не лишил бы меня малого кусочка хлеба от богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлеба лишаясь, а потому, что желаю милости и любви от тебя, великого государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гневаться. Не попускай истязать мои худые вещи. Угодно ли было бы тебе, чтобы люди дерзали ведать твои тайны, помимо твоей воли? Не один я, но многие ради меня страдают. Еще недавно, ты, государь, приказывал мне сказать с князем Юрием, что только ты, да князь Юрий ко мне добры; а теперь вижу, что ты не только сам стал немилостив ко мне, убогому своему богомольцу, а еще возбраняешь другим миловать меня: всем положен крепкий заказ не приходить ко мне! Ради Господа молю, перестань так поступать! Хотя ты и царь великий, но от Господа поставлен правды ради! В чем моя неправда перед тобою? В том ли, что, ради церкви, просил суда на обидящего? Что же? Не только не получил я праведного суда, но и ответы были исполнены немилосердия. Теперь слышу, что, противно церковным законам, ты сам изволишь судить священные чины, которых не поверено тебе судить. Помнишь Мануила, царя греческого, как хотел он судить священников, а ему Христос явился: в соборной, апостольской церкви есть образ, где святая десница Христова указывает указательным перстом, повелевая ангелам показнить царя, за то, чтоб не отваживался судить рабов Божиих прежде общего суда! Умились, Господа ради, и из-за меня грешного не озлобляй тех, которые жалеют обо мне. Все люди - твои и в твоей руке, того ради паче милуй их и заступай, как и божественный апостол учит: ты слуга Божий, в отомщение злодеям и в похвалу добрым; суди праведно, а на лица не смотри; тех же, которые озлоблены и заточены по малым винам или по оболганию, тех, ради Бога, освободи и возврати; тогда и Бог святой оставит многие твои согрешения". В заключение Никон уверял царя, что он не забирал с собой патриаршей казны и ризницы, как на него говорили ¹⁷.

Письмо это не понравилось государю, а бояре намеренно усиливали в нем досаду против бывшего друга. Под предлогом небезопасности от нашествия врагов, его хотели удалить от Москвы и от имени царя предложили переехать в крепкий монастырь Макария Колязинского. "У меня, - сказал Никон, - есть свои крепкие монастыри: Иверский и Крестный, а в Колязин я не пойду; лучше уже мне идти в Зачатейский монастырь в Китай-городе, в углу". - "Какой это Зачатейский монастырь?" - спросил его посланный. "Тот, - сказал Никон, - что на Варварском кресте, под горою". - "Там тюрьма", - заметил посланный. "Это и есть Зачатейский монастырь", - сказал Никон. Его не услали в Колязинский монастырь. С царского разрешения Никон приезжал в Москву, давал всем разрешение и прощение, а через три дня, по царскому повелению, отправился в Крестный монастырь, построенный им на Белом море, в память своего избавления от кораблекрушения, когда он был еще простым иеромонахом.

Никона удалили с тем, чтобы, во время его отдаления, решить его судьбу. В феврале 1660 года в Москве собран был собор, который положил не только избрать другого патриарха, но лишить Никона чести архиерейства и священства. Государь смутился утвердить такой приговор и поручил просмотреть его греческим архиереям, случайно бывшим в Москве. Греки,

сообразивши, что против Никона вооружены сильные мира сего, не только одобрили приговор русских духовных, но еще нашли, в подтверждение справедливости этого приговора, какое-то сомнительного свойства объяснение правил Номоканона. Тогда энергически поднялся за Никона ученый киевский старец Епифаний Славинецкий. Он, в поданной царю записке, на основании церковного права, ясно доказал несостоятельность применения указанных греками мест к приговору над Никоном. Епифаний признавал, что собор имеет полное право избрать другого патриарха, но не может лишить Никона чести патриаршего сана и архиерейского служения, так как добровольно отрекающиеся архиереи не могут, без вины и суда, лишаться права носить сан и служить по архиерейскому чину. Доказательства Славинецкого показались так сильны, что царь остался в недоумении. Он решился снова обратиться к Никону с лаской и просить его, чтоб он дал свое благословение на избрание нового патриарха. Никон отвечал, что если его позовут в Москву, то он даст свое благословение новоизбранному патриарху, а сам удалится в монастырь. Но Никона не решились призвать в Москву на собор; ему только дозволили воротиться в Воскресенский монастырь. Туда прибыл снова Никон и жаловался, что когда он находился в Крестном монастыре, то его хотел отравить черный дьякон Феодосий, подосланный крутицким митрополитом, его заклятым врагом. Феодосий со своими соумышленниками был в Москве подвергнут пытке; но темное дело осталось неразъясненным.

В Воскресенском монастыре Никона ожидала другая неприятность: окольный Роман Боборыкин завладел угодьями, принадлежащими Воскресенскому монастырю. Монастырский приказ утвердил за ним эту землю. Между крестьянами Боборыкина и монастырскими произошли, по обычаю, споры и драки. Боборыкин подал жалобу в монастырский приказ, а приказ притянул к ответу монастырских крестьян. Тогда Никон написал царю длинное и резкое письмо, называл церковь гонимую, сравнивал ее с апокалипсической женою, преследуемой змием. "Откуда, - спрашивал он царя в своем письме, - взял ты такую дерзость, чтобы делать сыски о нас и судить нас? Какие законы Божии повелели тебе обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебе судить правильно людей царствия мира сего? Но ты и об этом не стараешься... Мало ли тебе нашего бегства? Мало ли тебе, что мы оставили все на волю твоего благородия, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день судный! Рука твоя обладает всем архиерейским судом и достоянием. По твоему указу - страшно молвить - владык посвящают, архимандритов, игуменов и попов поставляют, а в ставильных грамотах дают тебе равную честь со Святым Духом, пишут: "По благодати Св. Духа и по указу великого государя". Как, будто Святой Дух не волен посвятить и без твоего указа! Как много Бог тебе терпит, когда написано: "Аще кто на Св. Духа хулит, не имать оставления, ни в сий век, ни в будущий". Если тебя и это не устрасило, то что может утратить! Уже ты стал недостойным прощения за свою дерзость. Повсюду твоим насилием отнимаются у митрополий, епископий и монастырей движимые и недвижимые вещи. Ты обратил ни во что установления и законы Св. отец, благочестивых царей греческих, великих царей русских и даже грамоты и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мере, хотя и написано было по страсти, ради народного смущения, но все-таки сказано: в монастырском приказе сидеть архимандритам, игуменам, священникам и честным старцам; а ты все это упразднил: судят церковный чин мирские судьи; ты обесчестил Св. Духа, признавши его силу и благодать недостаточной без твоего указа; обесчестил святых апостолов, дерзая поступать противно их правилам; - лики святых, вселенские соборы, Св. отец, благочестивых царей, великих князей, укрепивших православные законы. Ордынские цари восстанут против тебя в день судный с их ярлыками; и они, неверные, не судили сами церковных судов, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архиереев, не отнимали Божия возложения, а сами давали грамоты, которые всюду по митрополиям, монастырям и соборным церквам соблюдались до твоего царствования. Того ради, Божия благодать исполняла царские обиходы и мир был весь строен, а в твое царствие все грамоты

упразднены и отняты у церкви Божией многие недвижимые вещи; за это Бог оставил тебя и вперед оставит, если не покаешься..." Никон в том же письме рассказывал, что ему было видение во время дремоты в церкви на заутрени: являлся ему митрополит Петр и повелел сказать царю, что за обиды, нанесенные церкви, был два раза мор в стране и царское войско терпело поражение. Вслед за тем Никону, как он уверял, представился царский дворец, и некий седой муж сказал: "Псы будут в этом дворе щенят своих родить, и радость настанет бесам от погибели многих людей".

Само собою разумеется, после этого письма примирение царя с патриархом стало еще труднее. Между тем монастырский приказ, назло Никону, особенно ненавидевшему этот приказ, решил дело спорное в пользу Боборыкина. Никон, раздраженный этим до крайности, отслужил в Воскресенском монастыре молебен и, за этим молебном, велел прочитать жалованную грамоту царя на землю Воскресенского монастыря, в доказательство того, что монастырский приказ решил дело неправильно, а потом произнес проклятие, выбирая пригодные слова из 108 псалма ¹⁸.

Боборыкин донес, что эти проклятия относились к государю. Набожный царь пришел в ужас, собрал к себе архиереев, плакал и говорил: "Пусть я грешен; но чем виновата жена моя и любезные дети мои и весь двор мой, чтобы подвергаться такой клятве?"

В это время стал приближен к царю грек митрополит газский, Паисий Лигарид, человек ученый, получивший образование в Италии: впоследствии, он был в Палестине посвящен в архиерейский сан, но подвергся запрещению от иерусалимского патриарха Нектария за латинумудрствование. Никон, еще до своего отречения, по ходатайству грека Арсения, пригласил его в Москву. Паисий приехал уже в 1662 году, когда патриарх находился в Воскресенском монастыре. Никон надеялся найти себе защитника в этом ученом греке. Паисий сперва пытался примирить патриарха с царем и письменно убеждал его смириться и отдать кесарево кесареви, но увидел, что выходки Никона до того раздражили царя и бояр, что на примирение надежды нет - и открыто стал на сторону врагов патриарха. Этот приезжий грек подал царю совет обратиться ко вселенским патриархам. Царь Алексей Михайлович, по своей натуре, всегда готов был прибегнуть к полумерам, именно тогда, когда нужно было действовать прямо и решительно. И в этом случае было так поступлено. Составили и порешили отправить ко всем вселенским патриархам двадцать пять вопросов, относящихся к делу Никона, но не упоминая его имени: представлены были на обсуждение патриархов случаи, какие происходили в России, но представлены так, как будто неизвестно: когда и с кем они происходили; казалось даже, что они не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, как следует поступить, если бы они произошли. Доставить эти вопросы патриархам царь доверил одному греку, по имени Мелетий, которого Паисий Лигарид поручил вниманию государя.

Затем, в ожидании ответов от вселенских патриархов на посланные вопросы, царь отправил в Воскресенский монастырь к Никону того же Паисия Лигарида с астраханским архиепископом Иосифом; вместе с ними поехали к Никону давние недоброжелатели патриарха: боярин князь Никита Иванович Одоевский, окольничий Родион Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов.

Никон был озлоблен против Паисия, которого еще не видал в глаза: он надеялся, что приглашенный им грек будет за него; теперь до Никона дошло, что Паисий не только дает советы царю ко вреду Никона, но даже толкует, будто Никон неправильно носит звание

патриарха, два раза получивши архиерейское рукоположение: как митрополит новгородский и потом, как патриарх московский. Как только явился к нему на глаза этот грек на челе посольства, Никон обругал его самоставником, вором, собакой. "Привыкли вы тыкаться по государствам, да мутить - и у нас того же хотите!" - сказал он, обращаясь уже, по смыслу своей речи, не к одному лицу Паисия, а вообще к грекам.

- Отвечай мне по-евангельски, - сказал Паисий по-латыни, - проклинал ли ты царя?

- Я служу за царя молебны, - сказал Никон, когда ему перевели слова Паисия, - а ты зачем говоришь со мной на проклятом латинском языке?

- Языки не прокляты, - сказал Паисий, - когда огненный дух сошел в виде языков; не говорю с тобой по-еллински, потому что ты невежда и не знаешь этого золотого языка. Ты сам услышишь латинский язык из уст папы, когда поедешь в Рим для оправдания. Ведь ты ищешь у него апелляции.

Это было, по всему видно, злостолкование слов, произнесенных Никоном о древнем праве суда римских первосвященников.

- Ты, - продолжал Паисий, - выписывал правила о папском суде, бывшем в то время, как папы еще сохраняли благочестие, а не написал, что после них суд перешел ко вселенским патриархам.

Никон, обратившись к товарищу Паисия Иосифу, сказал:

- И ты, бедный, туда же! А помнишь ли свое обещание? Говорил, что и Царя слушать не станешь! Что? видно, тебе что-нибудь дали, бедняку?

Вступили в разговор бояре и стали допрашивать патриарха насчет читанного им проклятия со сто восьмым псалмом.

- Клятву я произносил на Романа Боборыкина, а не на государя, - сказал Никон. Он вышел и возвратился снова с тетрадкой. - Вот что я читал! - сказал он.

- Вольно тебе, - сказали бояре, - показать нам и совсем иное!

Никон выходил из себя, стучал посохом, перебивал речи бояр и, в порыве досады, как уверяют, сказал:

"Да если б я и к лицу государя говорил такие слова... я и теперь за его обиды стану молить: приложи зла, Господи, сильным земли!"

Сыпались взаимные укоры. Никон роптал, что царь вступает в святительские суды и в церковные порядки, а бояре упрекали Никона за то, что патриарх вступался в государственные дела.

Среди жаркого спора с боярами, Никон обратился к Паисию и сказал:

- Зачем против правила ты надел красную мантию?

- Затем, - отвечал Паисий, - что я из настоящего Иерусалима, где пролита пречистая кровь Спасителя, а не из твоего лжеименного Иерусалима, который есть ни старый, ни новый, а

третий - антихристов!

Никон опять вступил в спор с боярами:

- Какой это там у вас собор затевается? - сказал он.

- Собор собирается по царскому велению для твоего неистовства, а тебе до него нет дела. Ты уже более не патриарх! - сказали бояре.

- Я вам не патриарх, - сказал Никон, - но патриаршеского сана не оставлял.

Спор становился горячее. Никон закричал:

- Вы на меня пришли, как жида на Христа!

От него потребовали его подначальных для допроса по делу о проклятии со сто восьмым псалмом.

- Я не пошлю никого из своих людей, - сказал Никон. - Берите сами, кого вам надобно.

Около монастыря поставили стражу, чтоб никто не убежал. Начались допросы. Все, бывшие в церкви во время обряда, совершенного Никоном над царской грамотой, не показали ничего обличающего, чтобы Никон относил свое проклятие к особе царя; все, кроме того, показывали, что в этот день читалось на ектениях царское имя.

Бояре еще принялись спорить с Никоном. Разгоряченный патриарх грозил, что он "оточтет" царя от христианства, а бояре сказали: "Поразит тебя Бог за такие дерзкие речи против государя; если бы ты был не такого чина, - мы бы тебя за такие речи живого не отпустили" ¹⁹.

После таких бесед, которых содержание сообщено было царю, быть может и с прибавлениями, примирение сделалось невозможнее.

-Видел Никона?-спросил царь Алексей Михайлович Паисия.

- Лучше было бы мне не видеть такого чудища, сказал грек, - лучше оглохнуть, чем слушать его циклопские крики! Если бы кто его увидел, то почел бы за бешеного волка!

На следующий 1664 год получены ответы четырех патриархов, привезенные Мелетием. Ответы эти были как нельзя более против Никона, хотя в них, сообразно вопросам, не упоминалось его имя. Главная суть состояла в том, что, по мнению вселенских патриархов, московский патриарх и все духовенство обязаны повиноваться царю, не должны вмешиваться в мирские дела; архиерей, хотя бы носящий и патриарший титул, если оставит свой престол, то может быть судим епископами, но имеет право подать апелляцию константинопольскому патриарху, как самой верховной духовной власти, а лишившись архиерейства, хотя бы добровольно, лишается тем самым вообще священства. Здесь именно оправдывалось то, что хотел постановить собор в 1660 году и что было задержано возражениями Слави-нецкого. Но тут возникли сомнения. Греки, наплывшие тогда в Москву и допускаемые царем вмешиваться в церковную смуту, возникшую в русском государстве, ссорились между собою и доносили друг на друга. Явился какой-то иконийский митрополит Афанасий, называл себя (неправильно, как после объяснилось) экзархом и вместе родственником константинопольского патриарха: он заступался за Никона; явился другой грек Стефан, также как будто от константинопольского

патриарха с грамотой, где патриарх назначал своим экзархом Лигарида Паисия. Этот Стефан был против Никона. Афанасий иконийский уверял, что патриаршие подписи на ответах, привезенных Мелетием, подложные. Царь, бояре, духовные власти сбились с толку и отправили в Константинополь монаха Савву за справками о наехавших в Москву греках и с просьбой к константинопольскому патриарху прибыть в Москву и решить дело Никона своею властью. Патриарх Дионисий отказался ехать в Москву, советовал царю или простить Никона или поставить, вместо него, иного патриарха, а о греках, озадачивших царя и его синклит своими противоречиями, дал самый невыгодный отзыв. Ни Афанасию Иконийскому (которого вовсе не признавал за своего родственника), ни Стефану он не давал никаких полномочий; о Паисии Лигариде сказал, что, по многим слухам, он - папешник и лукавый человек; наконец, о самом Мелетии, которого царь посылал к патриархам с вопросами, отзывался неодобрительно. Таким образом, хотя ответы, привезенные Мелетием от четырех патриархов, не оказались фальшивыми, однако, важно было то, что сам константинопольский патриарх, которого суд ценился выше всего в этих ответах, изъявлял мнение, что Никона можно простить, следовательно, не признавал его виновным до такой степени, чтобы низвержение его было неизбежно. Еще сильнее заявил себя в этом смысле иерусалимский патриарх Нектарий. Хотя он и подписался на ответах, которые могли служить руководством для осуждения Никона, но, вслед за тем, прислал к царю грамоту, и в ней убедительно и положительно советовал царю, для избежания соблазна, помириться с Никоном, оказать ему должное повиновение, как к строителю благодати и как предписывают божественные законы. Патриарх изъявлял, кроме того, полное недоверие к тем обвинениям против московского патриарха, какие слышал от присланного к нему из Москвы Мелетия. Отзывы константинопольского и иерусалимского патриарха задержали дело.

Собирать собор и осудить Никона после этого казалось уже зазорно, тем более, когда ответы патриархов не относились положительно к лицу Никона; осужденный, сообразно тем же ответам, мог подать апелляцию к константинопольскому патриарху и даже ко всем четырем патриархам. Дело затянулось бы еще далее; русская церковь на долгое время предана была бы раздору и смутам, так как, судя по отзывам двух патриархов, могло быть между этими вселенскими судьями разноречие и даже можно было опасаться, что дело повернулось бы в пользу Никона.

Однако патриаршие отзывы не поколебали вполне доверия царя к врагам Никона, Паисию и Мелетию. После рассуждений и толков, царь, бояре и власти решили отправить того же Мелетия к трем патриархам (кроме константинопольского) и просить их прибыть в Москву на собор для решения дела московского патриарха, а в случае, если нельзя будет приехать им всем, то настаивать, чтобы, по крайней мере, приехали двое.

Никон, узнавши, что враги его собирают над ним грозу суда вселенских патриархов, попытался снова сблизиться с царем и написал к нему в таком смысле: мы не отмечаемся собора и хвалим твое желание предать все рассуждению патриархов по божественным заповедям евангельским, апостольским и правилам святых отец. Но вспомни, твое благородие: когда ты был с нами в добром совете и любви, мы, однажды, ради людской ненависти, писали к тебе, что нельзя нам предстательствовать во святой великой церкви; а какой был твой ответ и написание? Это письмо спрятано в тайном месте в одной церкви, и этого никто, кроме нас, не знает. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебе суда перед Богом и созываемым тобою вселенским собором! Епископы обвиняют нас одним правилом первого и второго собора, которое не о нас написано, а как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда, думаю, ни один архиерей, ни один пресвитер не останется

достойным своего сана; пастыри усмотрят свои деяния, смущающие твое преблагенство... крутицкий митрополит с Иваном Нероновым и прочими советниками!.. Ты посылал к патриархам Мелетия, а он злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает... Есть у тебя, великого государя, и своих много, кроме такого воришки".

Это ли письмо, для нас не вполне понятное, или обычное благодушие тишайшего государя побудило его в кругу бояр выразиться так, что из слов его можно было вывести, что он и теперь не прочь помириться с Никоном. Этим воспользовался друг и почитатель Никона Зюзин и написал к Никону, будто царь желает, чтобы патриарх неожиданно явился в Москву, не показывая, однако, вида, что царь его звал; а чтоб ему не было на пути задержки, он у ворот городских должен был скрыть себя и сказать, будто едет архимандрит Саввинского монастыря. Никон доверился Зюзину, который заверял патриарха, что царь милостиво его примет. Никона к тому же успокаивало сновидение: ему приснилось, что в Успенском соборе встают из гробов святители и митрополит Иона собирает их подписи для призвания Никона на патриарший престол.

Согласно подробным наставлениям Зюзина, 19-го декабря 1664 года, Никон со свитою, состоявшей из монахов Воскресенского монастыря, ночью приехал в Кремль и неожиданно вошел в Успенский собор в то время, когда там служилась заутреня и читались кафизмы. Блюстителем патриаршего престола был тогда уже не Питирим, переведенный в Новгород митрополитом, а ростовский митрополит Иона: он находился в церкви. Никон приказал остановить чтение кафизм, приказал дьякону прочесть ектению, взял посох Петра митрополита, прикладывался к мощам, потом стал на своем патриаршем месте.

Духовные растерялись, не знали, что им начать. Народ оторопел. Патриарх подозвал к себе Иону, благословил его, потом подходили к нему прочие, бывшие в храме, духовные. Они недоумевали, что это значит, и не смели ослушаться патриарха, думая, что, быть может, он явился с царского согласия. За ними народ стал толпиться и принимать благословение архипастыря. Наконец, Никон приказал ростовскому митрополиту идти к государю и доложить ему о прибытии патриарха. Иона с трепетом, опасаясь себе чего-нибудь недоброго, отправился. Царь, слушавший заутреню в своей домовой церкви, немедленно послал звать властей и бояр.

И духовные сановники и бояре собрались к царю в большом волнении. Явился Паисий Лигарид и более всех начал вопить против Никона. "Как смел он, яко разбойник и хищник, наскочить на верховный патриарший престол, когда он должен ожидать суда вселенских патриархов?" Так говорил грек, русские духовные потакали ему. Бояре, давние враги Никона, представляли поступок патриарха преступным. Зюзина между ними не было. Зюзин, сидя дома, ожидал развязки смелой козни, устроенной им в надежде на кроткий нрав царя, на пробуждение в царском сердце прежней любви к патриарху.

Совещание царя происходило с лицами, которые имели причины всеми силами препятствовать, ради собственной целостности, примирению с царем человека, которому они успели насолить. Его примирение с царем было бы ударом для них. Неудивительно, что царь, уже без того сильно огорченный Никоном, поддался их влиянию. В Успенский собор посланы были те же лица, которые бранились с ним в Воскресенском монастыре (Одоевский, Стрешнев и Алмаз Иванов), и сказали ему:

- Ты самовольно покинул патриарший престол и обещался вперед не быть патриархом; уже об этом написано ко вселенским патриархам: зачем же ты опять приехал в Москву и вошел в соборную церковь без воли государя, без совета освященного собора? Ступай в свой монастырь!

- Я сошел с патриаршества никем не гонимый, - сказал Никон, - и пришел никем не званный, чтоб государь кровь утолил и мир учинил. Я от суда вселенских патриархов не бегаю. Сюда пришел я по явлению.

Он отдал им письмо к государю.

В письме описано было явление святителей, бывшее Никону в сновидении. Но если в те времена охотно верили всяким видениям и откровениям, когда они были полезны, то умели давать им дурной смысл, когда они вели ко вреду. Первый Лигарид сказал пред государем: "Ангел сатаны преобразился в святого ангела! Пусть скорее удалится этот лжевидец, чтоб не произошло смуты в народе или даже кровопролития!" Все были согласны с греком.

В Успенский собор отправилось трое архиереев и в числе их Паисий.

- Уезжай из соборной церкви туда, откуда приехал! - сказали патриарху.

Таков был последний ответ Никону. Ему ничего не оставалось. Он видел ясно, что его подвели, обманули. Он приложился к образам и вышел из церкви.

- Оставь посох Петра митрополита! - сказали ему бояре.

- Разве силой отнимете, - сказал Никон.

Он сел уже в сани; подле саней стоял стрелецкий полковник, которому приказано было провожать его.

Никон отряс прах от ног и произнес известный евангельский текст по этому случаю.

- Мы этот прах подметим! - сказал стрелецкий полковник.

- Разметет вас вон та метла, что на небе - хвостатая звезда! - сказал Никон, указывая на видимую тогда комету.

Вслед за Никоном послали требовать от него посоха. Он уже не упрямился и отдал посох. От него требовали отдать письмо, по которому он приезжал в Москву. Никон отослал и это письмо государю.

Тогда Зюзин был подвергнут допросу и пытке. Он указывал на соумышление с Нащокиным и Артамоном Матвеевым. Оба заперлись. По всему видно, однако, Нащокин действительно своими рассказами о том, что царь не гневается на патриарха, побудил Зюзина на смелое дело. Зюзина приговорили бояре к смертной казни, но царь заменил казнь ссылкой в Казань. Досталось немного и митрополиту Ионе. Царь поставил ему в вину, что он брал благословение от Никона; впрочем, ему не сделали большого зла; его только отрешили от должности блюстителя патриаршего престола.

Никон был жестоко посрамлен. До сих пор он стоял твердо на своем; он говорил, что не хочет править патриаршим престолом, будучи, однако, всегда в душе согласным возвратиться на этот престол, если его станут сильно просить и пообещают, что все будет по его желанию, - одним словом, если обойдутся с ним так, как обошлись в 1652 г. при его посвящении на патриаршее достоинство. Теперь - после стольких заявлений своего нежелания, он сам явился на свое патриаршее место в Москву - и был изгнан с этого места! Понятно, как должна была

озлобить его неловкая услуга Зюзина. Никон еще раз попытался, если уже не быть на патриаршестве, то, по крайней мере, покончить дело без вселенских патриархов, сколько-нибудь сносно для своего будущего существования. Никон благословлял избрать другого патриарха, отрекался от всякого вмешательства в дела, просил только оставить за ним патриарший титул, монастыри, им настроенные, со всеми их вотчинами, с тем, чтобы новый патриарх не касался их и, равным образом, с тем, чтобы эти монастыри не подлежали мирским судам. Никон затем прощал и разрешал всех, кого прежде проклинал. Предложение его было предметом предварительного рассуждения, с целью обсудить его на предстоявшем соборе, но потом оставлено без внимания.

Никон, видя, что не удастся ему покончить дела без восточных патриархов, послал одного родственника своего, жившего в Воскресенском монастыре, пробраться в Турцию и доставить письмо к константинопольскому патриарху. В этом письме Никон изложил всю свою распрю с царем и боярами, порицал Уложение (как мы привели выше), осуждал поступки царя, замечал, что царь Алексей весь род христианский отягчил данями сугубо и трегубо, и более всего жаловался на Паисия Лигарида; указывал, что он верует по-римски, принял от папы рукоположение, в Польше служил в костеле римско-католическую обедню; а между тем царь его приблизил к себе, слушается его и сделал председателем на соборе; на этом соборе перевели крутицкого митрополита в Новгород, противно закону, запрещающему переводить архиереев с одного места на другое.

Не дошло это письмо к Дионисию. За Никоном и всеми его поступками зорко следили его противники. Посланный был схвачен; письмо Никона доставлено царю и окончательно вооружило против него Алексея Михайловича.

Чувствовалась и сознавалась потребность скорейшего прекращения смут в церкви. Удаление патриарха и долгое отсутствие верховной церковной власти развязали противников преобразования, начатого Никоном. У них неожиданно явилось общее с сильными земли, с самим царем, со всем, что тогда было не в ладах с патриархом, главным виновником ненавистных изменений церковной буквы и обряда. Расколоучители подняли головы; сильно раздавался их голос. Аввакум был возвращен из Сибири, жил в Москве, был вхож в знатные дома, и если верить ему, сам царь видел его и обращался с ним ласково. Этот человек, вкрадчивый, умевший озадачивать слушателей беззастенчивой ложью о своих чудесах и страданиях, приобретал сторонников; он совратил двух знатных господ, урожденных сестер Соковниных: княгиню Урусову и боярыню Морозову, которые, как женщины влиятельные и богатые, способствовали распространению раскола. Слишком горячая проповедь не дала Аввакуму долго проживать в Москве: он был сослан в Мезень. Но, видно, он имел сильных покровителей; его скоро воротили, а потом - опять принуждены были сослать в Пафнутьевский монастырь. Никита Пустосвят и Лазарь муромский написали сочинения против новшеств, как называли тогда церковное преобразование противники; они подавали к царю свои сочинения в виде челобитных и распространяли их списки в народе. Тогда же архимандрит Покровского монастыря Спиридон написал сочинение "О правой вере", а дьякон Федор - другое, в котором обвинял всю восточную церковь в отступлении от православия. Кроме Москвы, в разных пределах государства появились рьяные расколоучители. В Костромском уезде успешным распространителем раскола был старец Капитон, крестьянин дворцового села Даниловского; за свое строгое постничество он приобрел в народе славу святого и увлекал толпы своей проповедью; его влияние было так велико, что некоторое время всех раскольников вообще называли капитонами. Во Владимирском уезде проповедывал раскол бывший наборщик печатного двора Иван; в Нижегородском, Ветлужском, Балахонском уездах проповедывали

Ефрем Потемкин и иеромонах Авраамий; в Смоленске - протопоп Серапион; на севере скитались и проповедывали раскол монахи Кирилло-Белозерского монастыря Иосаф и Кожеозерского Боголеп; в Соловецком - Герасим Фирсов, Елифаний и другие; монахи Досифей и Корнилий странствовали по Дону и возмущали монахов и народ против церковного нововведения, а монах Иоасаф Истомин волновал народ в Сибири. В разных местах появились святоши, отшельники, странники, постники, блаженные, которые возвещали народу, что приходят последние времена, наступает царство Антихриста, искажается древняя праведная вера, стращали, что кто примет трехперстное сложение, трегубое аллилуия, произношение и начертание имени Христа Иисус, вместо Иисус, четвероконечный крест и другие отмены в богослужебных обрядах и богослужебных книгах, того ожидает вечная погибель, а кто не покорится и претерпит до конца - тот спасется.

Невозможным более казалось ждать; надобно было принимать меры; с этою целью положили открыть собор: необходимо было рассеять нелепые толки о том, что в 1666 году будет что-то страшное, роковое. Наконец, в ожидании прибытия вселенских патриархов, хотели показать пред этими патриархами, что русская церковь деятельно борется со лжеучениями и осуждает их.

Собор этот, под председательством новгородского митрополита Питирима, открылся в начале 1666 года и продолжался около полугода. Заседания его происходили в патриаршей крестовой палате.

Члены собора рассматривали те и другие раскольничьи сочинения, призывали авторов и других распространителей мнений, противных церкви; обличали их, а в заключение предлагали им или отречься от своих заблуждений или подвергнуться наказанию. Большинство их принесло покаяние, хотя вообще неискренно ²⁰. Никита Пустосвят отрекся от своего учения, получил прощение, но с тайным намерением опять действовать в пользу раскола, и был отправлен в монастырь Николая на Угреше. Все другие покаявшиеся были разосланы по монастырям. Аввакум был непоколебим и не только не покорился никаким убеждениям, но еще называл неправославным весь собор, ПОЭТОМУ 13 мая 1666 года в Успенском соборе он был лишен сана, предан проклятию, отдан мирскому суду и отправлен в Пустозерский острог. Лазарь был еще зазорнее; ему дали несколько месяцев на размышление, но никакие убеждения на него не действовали. Впоследствии его предали анафеме, но он и после того так нестерпимо ругался, что, наконец, ему отрезали язык и отправили в Пустозерск. Дьякон Федор сначала притворился, будто кается и отрекается от своих заблуждений, и был послан в Угreshский монастырь, а потом ушел оттуда, хотел увезти свою жену и детей и бежать, но был схвачен и начал открыто хулить собор и никоновские новшества. За это он отдан был мирскому суду, лишен языка и отправлен вместе с Лазарем в заточение. В заключение собор подтвердил все прежние постановления собора, бывшего по поводу исправления книг.

Этот собор 1666 г. был все еще как бы предуготовительным. Его постановления о расколе предполагалось предать суду и обсуждению вселенских патриархов.

Из четырех вселенских патриархов только двое: антиохийский Макарий, еще прежде бывавший в Москве, и александрийский Паисий отправились в Москву по приглашению царя; остальные два дали им свое полномочие. Путь ехавших в Россию лежал через Малую Азию, Персию и Грузию до Астрахани; от Астрахани до Москвы они ехали с большою торжественностью. Царь приказал доставлять им всевозможные удобства и даже устраивать мосты для проезда. По близости к столице, к ним, по обычаю, высылали несколько почетных

встреч, одна за другою. У городских ворот встречала их часть духовенства, и они шли до Успенского собора крестным ходом при звоне колоколов, среди огромного стечения народа. Это было 2 ноября 1666 года.

После первых церемоний и угощений, патриархи предварительно занялись исследованием дела, которое им предстояло решить. Царь назначил для этого занятия с ними двух архиереев, Павла крутицкого и Илариона рязанского, а к ним присоединил одноязычного с патриархами Паисия Лигарида. "Имейте его отныне при себе, - сказал царь. - Он знаком с делом; от него все подробно узнаете".

Собственно, Лигарид был докладчиком по делу Никона перед вселенскими патриархами. Он составил обвинительную записку против московского патриарха, которая заранее настроила судей против обвиняемого. Достоинно замечания, что Паисий в своей записке старался вооружить патриархов тем, как будто Никон посягал на право и власть вселенских патриархов, и доказывал это с разными натяжками, указывая, главным образом на то, что Никон из высокомерия вымышлял себе разные титулы.

Наконец, 29 ноября, отправлены были псковский архиепископ Арсений, ярославский архимандрит Сергей и суздальский Павел звать Никона на собор. Никон сказал им:

"Откуда святейшие патриархи и собор взяли такое бесчиние, что присылают за мною архимандритов и игуменов, когда по правилам следует послать двух или трех архиереев?"

Ярославский архимандрит на это сказал:

"Мы к тебе не по правилам пришли, а по государеву указу. Отвечай нам: идешь или не идешь?"

"Я с вами говорить не хочу, - сказал Никон, - а буду говорить с архиереями. Александрийский и антиохийский патриархи сами не имеют древних престолов и скитаются; я же поставление святительское имею от константинопольского". Затем, обратившись к Арсению, он продолжал: "Если эти патриархи прибыли по согласию с константинопольским и иерусалимским, то я поеду".

На другой день, 30 ноября, Никон отслужил заутреню с елеосвящением, потом литургию в архиерейском облачении, поучал братию о терпении, а к вечеру выехал в санях. Посланные за ним успели, однако, дать знать в Москву, что Никон принял их нечестно, не идет и не сказал, когда поедет.

Тогда в столовой избе, в присутствии государя и бояр, собравшиеся вселенские патриархи и русские духовные лица послали другой вызов Никону, с упреком за непослушание, с приказанием прибыть в Москву 2 декабря, во втором или в третьем часу ночи, не более как с десятью человеками и остановиться в кремле на Архангельском подворье. Никон был уже в дороге, когда его встретило это второе посольство. Никон остановился в селе Чернове, так как ему велено было ждать до ночи 2 декабря, а 1 декабря к нему послали третье приглашение: оно было не нужно, так как Никон ехал туда, куда его звали, но, видно, враги хотели усугубить его вину и дать делу такой ход, как будто бы Никон не слушался соборного призыва. ²¹

"Некому на вас жаловаться, - сказал Никон, - разве только единому Богу! Как же я не еду? И для чего велите въезжать ночью с немногими людьми? Хотите, верно, удавить, как

митрополита Филиппа удавили!" Никон приехал около полуночи, и только что въехал в Никольские ворота кремля, как за ним заперли ворота; стрелецкий полковник произнес: "Великого государя дело". За Никоном ехал его клирик Шушера с патриаршим крестом. У него хотели отнять крест, но Шушера передал его патриарху. Шушере повели к царю, который его допрашивал о чем-то втайне и приказал отдать под стражу.

Дом, где поместили Никона, находился у самых Никольских ворот, в углу кремля. Его окружили стражею; самые Никольские ворота не отпирались: разобрали даже мост у этих ворот.

В 9 часов утра весь собор собрался в столовой избе, и за Никоном отправили Мстиславского епископа, блюстителя киевской митрополии, Мефодия, прославившегося своими кознями в Малороссии.

Мефодий объявил Никону, чтобы он шел смирно, без креста, который обыкновенно носили перед патриархом. Никон уперся и ни за что не хотел идти без креста. Ему наконец дозволили идти с крестом.

Никон вошел в столовую избу торжественно, как патриарх, прочитал молитву, поклонился царю, патриархам и всем присутствующим.

Все встали и царь должен был встать, потому что перед Никоном несли крест. Царь указал ему место между архиереями.

- Благочестивый царь, - сказал Никон, - я не принес с собою места: буду говорить стоя!

Он стоял, опершись на свой посох. Перед ним держали крест. Никон сказал: "Зачем я призван на это собрание?" Тогда царь, которому приходилось говорить, сам встал со своего места. Дело получило такой вид, как будто собор должен произнести приговор между двумя тяжущимися. Царь излагал все прежнее дело: жаловался, что Никон оставил церковь на девятилетнее вдовство, восстали раскольники и мятежники, начали терзать церковь; царь предложил сделать по этому поводу допрос Никону. Речь царя была переведена по-гречески, и патриархи через толмача спросили Никона:

- Зачем ты оставил патриарший престол? "Я ушел от государева гнева, - сказал Никон, - и прежние святые отцы, Афанасий александрийский и Григорий Богослов, бегали от царского гнева". - Никон рассказал дело об обиде, нанесенной окольничьим Хитрово патриаршему боярину.

Царь сказал:

"У меня обедал тогда грузинский царь; в ту пору мне некогда было разыскивать и давать оборону. Он говорит, будто присылал своего человека для строения церковных вещей, а в ту пору нечего было строить на Красном крыльце. Хитрово зашиб его человека за невежество, потому что пришел не вовремя и учинил смуту. Это Никона не касается".

Патриархи заметили Никону, что ему можно было бы и потерпеть. "Я царский чин исполнял, - сказал при этом Хитрово, - а его человек пришел и учинил мятеж. Я его зашиб не знаячи. Я у Никона просил прощения, и он меня простил".

- Ты отрекался от патриаршества и говорил, что будешь анафема, если станешь снова

патриархом?

- Я никогда не говорил этого, - отвечал Никон.

Тогда царь сказал: "Он написал на меня многие бесчестия и укоризны". - Царь велел прочесть перехваченное письмо Никона к константинопольскому патриарху Дионисию. Оно послужило нитью для целого допроса.

Когда в письме дочитались до слов: "Нас посылали в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа, которого царь Иван замучил несправедливо за правду", Алексей Михайлович сказал:

"Для чего Никон такое бесчестие и укоризну царю Ивану написал, а о себе утаил: как он низверг без собора коломенского епископа Павла и сослал в Хутынь, где тот безвестно пропал!"

Никон отвечал: "Не помню и не знаю, где он; о нем есть на патриаршем дворе дело".

Письмо к Дионисию перебирали пункт за пунктом, спрашивали Никона о разных мелочах и подробностях. Он отвечал коротко и большею частью отрицательно. Дочитали до того места, где Никон говорил, что царь приказал посадить в Симонов монастырь иконийского митрополита Афанасия. Царь прервал чтение и спросил Никона: "Знаешь ты в лицо этого Афанасия?"

- Не знаю! - сказал Никон.

Царь позвал к себе одного из среды архиереев и, указывая на него, сказал:

- Вот Афанасий!

Наконец дочитали до самого важного, до тех обвинений, которые щедро расточал в своем письме Никон на Лигарида. Никон прямо обвинял Паисия в латинстве перед Дионисием, находил незаконным собор, на котором Паисий был председателем, и писал так: "С этого беззаконного собора прекратилось соединение святой восточной церкви, и мы от благословения вашего отлучились, а начаток волями своими приняли от римских костелов". За это место особенно уцепились, потому что оно подавало повод обвинить Никона в самой тяжелой вине: в хуле на православную церковь. Царь сказал:

"Никон отчел нас от благочестивой веры и благословения святых патриархов, причел к католической вере и назвал нас всех еретиками. Если бы Никоново письмо дошло до вселенских патриархов, то всем православным христианам быть бы под клятвою; за такое ложное и затаенное письмо нам нужно всем стать и умирать, а от этого очиститься".

- Чем Россия отступила от соборной церкви? - спросили Никона патриархи.

- Тем, - сказал смело Никон, - что Паисий перевел Питирима из одной митрополии в другую и на его место посадил иного митрополита; да и других архиереев переводили с места на место. Ему того делать не довелось, потому что он от иерусалимского патриарха отлучен и проклят. Да если бы он и не был еретик, то все-таки ему не для чего долго быть на Москве. Я его митрополитом не почитаю. У него нет ставленной грамоты. Этак всякий мужик наденет на себя мантию, так он и митрополит! Я писал о нем, а не о всех православных христианах!

Это и обратили враги Никона особенно ему во вред. И духовные и светские, все закричали:

- Он назвал еретиками всех нас! Надобно об этом указ учинить по правилам! - Сарский митрополит Павел, рязанский Иларион и Мефодий задорнее других горячились тогда против Никона.

- Если б ты Бога боялся, - сказал Никон царю, - то не делал бы так надо мною.

Продолжали читать письмо, по-прежнему останавливаясь на мелочах. По окончании чтения Никон сказал царю:

- Бог тебя судит: я узнал на своем избрании, что ты будешь ко мне добр шесть лет, а потом я буду возненавидим и мучим!

- Допросите его, - сказал царь, - как он это узнал?

Никон не отвечал.

На второе заседание, как только Никон вошел, царь встал со своего места и сказал:

- Никон! Поссорясь с газским митрополитом, ты писал, будто все православное христианство отложилось от восточной церкви к западному костелу, тогда как наша соборная церковь имеет спасительную ризу Господа нашего Бога и многих московских чудотворцев моши, и никакого отлучения не бывало. Мы все держим и веруем по преданию апостолов и Св. отец, истинно; бьем челом, чтобы патриархи от такого названия православных христиан очистили!

С этими словами царь поклонился патриархам до земли; то же сделали все присутствующие на соборе.

- Дело великое, - сказали патриархи, - за него надобно стоять крепко. Когда Никон всех православных христиан называл еретиками, то он называл еретиками и нас, будто мы пришли еретиков рассуждать; а мы в Московском государстве видим православных христиан. Станем за это патриарха Никона судить и православных христиан оборонять по правилам.

Затем Никона старались уличить во лжи и найти противоречие в том, что он отказывался от патриаршества, а потом называл себя патриархом. Вспомнивши снова о Хитрово, прибывшем Никонова боярина, патриархи произнесли такое суждение: "Никон посылал своего человека, чтобы учинить смуту, а в законах написано: кто между царем учинит смуту, тот достоин смерти; и кто Никонова человека ударил, того Бог простит: так тому и подобало быть".

С этими словами антиохийский патриарх, назло Никону, благословил Хитрово.

Никон, воротясь из заседания в свое помещение, находился в затруднительном положении: все его запасы отправлены были на Воскресенское подворье; его людей не пускали за ними. Царь послал ему запасов от своего стола, но Никон не принял их; царь дозволил его людям взять патриаршие запасы с подворья, но был сильно огорчен и жаловался на Никона патриархам.

5 декабря опять собрался собор. У Никона на этот раз отняли крест, который прежде носили перед ним. Никона спрашивали в перебивку то о том, то о другом, а более всего старались его

уличить в том, что он будто бы сказал: "Будь я анафема, если захочу патриаршества!" На него показывали новгородский митрополит Питирим, тверской архиепископ Иосиф и Родион Стрешнев. Никон по-прежнему уверял, что не произносил такого слова и, наконец, объявил, что нечего более говорить о патриаршестве; в этом волен царь и вселенские патриархи.

Никона опять допрашивали отрывочно о других случаях. Он давал короткие ответы и, наконец, сказал:

- Не буду с патриархами говорить, пока не приедут патриархи константинопольский и иерусалимский.

Ему тогда показали подписи полномочия других патриархов и стали читать правила, по которым епископ, оставивши свою кафедру, лишается ее.

- Я этих правил не принимаю, - сказал Никон. - Это правило не апостольское и не вселенских и не поместных соборов. Их нет в русской Кормчей, а греческие правила печатали еретики!

После этого опять отклонились, начали спорить о разных прежних случаях. Никон (как сообщает по дошедшим слухам посаженный под стражу его крестоносец Шушера) сострил тогда и над царскими боярами: "Ты, царское величество, девять лет вразумлял и учил предстоящих тебе в сем сонмище, и они все-таки не умеют ничего сказать. Вели им лучше бросить на меня камни; это они сумеют; а учить их будешь хоть еще девять лет - ничего от них не добьешься!"

Когда Никона укоряли за то, что им оставлено самовольно патриаршество, то он сказал царю:

- Я, испугавшись, ушел от твоего гнева; и ты, царское величество, неправду свидетельствовал, когда на Москве учинился бунт!

- Ты непристойные речи говоришь и бесчестишь меня, - сказал царь. - На меня никто бунтом не прихаживал, а приходили земские люди не на меня, но ко мне бить челом об обидах.

- Как ты не боишься Бога говорить непристойные речи и бесчестить великого государя!.. - стали кричать со всех сторон.

Наконец поднялся с места антиохийский патриарх и сказал: "Ясно ли всякому из присутствующих, что александрийский патриарх есть судия вселенной?"

- Знаем и признаем, что он есть и именуется судия вселенной.

- Там себе и суди, - сказал Никон. - В Александрии и Антиохии ныне патриархов нет: александрийский живет в Египте, антиохийский в Дамаске.

- А где они жили, когда благословили на патриаршество Иова? - возразили патриархи.

- Я в то время невелик был, - сказал Никон.

Александрийский патриарх сказал: "Хоть я и судия вселенной, но буду судить Никона по Номоканону. Подайте Номоканон".

Прочитали 12-е правило антиохийского собора: "Кто потревожит царя и смутит его царствие, тот не имеет оправдания".

- Греческие правила не прямые, - сказал Никон, - печатали их еретики. - Патриархи вознесли похвалами греческий Номоканон и поцеловали книгу. Потом спросили греческих духовных: "Принимаем ли эту книгу яко праведную и неслестную?"

Греки объясняли, что хотя их церковные книги за неимением типографий и печатаются в Венеции, но все они принимают их.

Принесли русский Номоканон.

Никон сказал:

- Он неисправно издан при патриархе Иосифе.

- Как это ты Бога не боишься, закричали со всех сторон, - бесчестишь государя, вселенских патриархов, всю истину во лжу ставишь!

Александрийский патриарх сделал запрос греческим духовным: "Чего достоин Никон?"

- Да будет отлучен и лишен священнодействия, - отвечали греки.

- Хорошо сказано, - произнес патриарх. - Пусть теперь будут спрошены русские архиереи.

Русские архиереи повторили то же, что и греческие. Тогда оба патриарха встали, и александрийский, в звании судии вселенной, произнес приговор, в котором было сказано, что, по изволению Святого Духа и по власти, данной патриархам, вязать и решить, они, с согласия других патриархов, постановляют, что отселе Никон за свои преступления более не патриарх и не имеет права священнодействовать, но именуется простым иноком, старцем Никоном.

Никон возвращался на Архангельское подворье, уже не смея благословлять народ.

Тогда по рассказу Шушеры найден был человек, переводивший на греческий язык грамоту Никона к константинопольскому патриарху. Это был грек по имени Димитрий, живший у Никона в Воскресенском монастыре. Когда его повели к царю, он до того впал в отчаяние, ожидая для себя ужасных мук, что вонзил себе нож в сердце.

12 декабря собрались вселенские патриархи и все духовные члены собора в небольшой церкви Благовещения, в Чудовом монастыре. Все были в мантиях, в митрах, с омофорами. Царь не пришел; из бояр были только присланы царем: князя Никита Одоевский, Юрий Долгорукий, Воротынский и другие.

Привели Никона. На нем была мантия и черный клобук с жемчужным крестом. Сначала прочитан был приговор по-гречески, потом рязанским митрополитом Иларионом по-русски. В приговоре обвинили бывшего московского патриарха, главным образом за то, что он произносил хулы: на государя, называя его латинумудренником, мучителем, обидчиком; на всех бояр; на всю русскую церковь - говоря, будто она впала в латинские догматы; а в особенности - хулы на газского митрополита Паисия, к которому питал злобу за то, что он говорил всесветлейшему синклиту о некоторых гражданских делах Никона. Ему поставили в вину низвержение коломенского епископа Павла, обвиняли сверх того в жестокости над

подчиненными, которых он наказывал кнутом, палками, а иногда и пытал огнем. "Призванный на собор Никон, - говорилось в приговоре, - явился не смиренным образом, как мы ему братски предписали, но осуждал нас; говорил, будто у нас нет древних престолов, и наши патриаршие рассуждения называл блядословиями и баснями..."

- Если я достоин осуждения, - сказал Никон, - то зачем вы, как воры, привели меня тайно в эту церковку; зачем здесь нет его царского величества и всех его бояр? Зачем нет всенародного множества людей российской земли? Разве я в этой церкви принял пастырский жезл? Нет, я принял патриаршество в соборной церкви перед всенародным множеством, не по моему желанию и старанию, но по прилежным и слезным молениям царя. Туда меня ведите и там делайте со мною, что хотите!

- Там ли, здесь ли, все равно, - отвечали ему. - Дело совершается советом царя и всех благочестивых архиереев. А что здесь нет его царского величества, - на то его воля.

С Никона сняли клобук и панагию.

- Возьмите это себе, - сказал Никон, разделите жемчуг между собою: достанется каждому золотников по пяти, по шести, сгодится вам на пропитание на некоторое время. Вы бродяги, турецкие невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтоб было чем дань заплатить султану!

С присутствовавшего тут греческого монаха сняли клобук и надели на Никона.

Когда его вывели, то, садясь в сани, Никон громко произнес:

- Никон! Никон! Все это тебе случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивал дорогие трапезы, да вечерял с ними, то этого бы тебе не случилось!

Его повезли, в сопровождении стрельцов, на земский двор. За санями шли приставленные к нему архимандриты: Павел и Сергей. Последний (из Спасо-Ярославского монастыря) тешился падением патриарха:

- Молчи, молчи, Никон! - кричал он ему.

Воскресенский эконоом Феодосий по приказанию Никона обратился к нему с таким словом: "Патриарх велел тебе сказать: если тебе дана власть, то приди и зажми ему рот".

- Как ты смеешь называть патриархом простого монаха! - закричал Сергей. Но кто-то из толпы, следовавшей за Никоном, сказал:

- Патриаршее наименование дано ему свыше, а не от тебя гордого.

Стрельцы по приказанию Сергея тотчас схватили сказавшего это слово и увели.

- Блаженнии изгнанные правды ради! - сказал тогда Никон.

Когда его привезли на двор, Сергей нарочно сел, развалясь перед ним, снял с себя камилавку и начал его в насмешку утешать.

На другой день утром царь прислал к Никону Родиона Стрешнева с запасом денег и разных мехов и одежд.

- Его царское величество прислал тебе это, - сказал Стрешнев, - потому что ты шествуешь в путь дальний.

- Возврати все это пославшему тебя и скажи, что Никон ничего не требует! - сказал Никон.

Стрешнев сказал, что царь просит прощения и благословения.

- Будем ждать суда Божия! - сказал Никон.

13 декабря толпы народа стали собираться, чтобы поглазеть, как повезут низверженного патриарха. Но, во избежание соблазна, народу сказали, что Никона повезут через Спасские ворота по Стретенке, и народ устремился в Китай-город, а Никона повезли через противоположные ворота. Его провожало 200 стрельцов. На пути одна вдова поднесла Никону теплую одежду и двадцать рублей денег. Он принял это, как милостыню, ни за что не хотевши взять подачки от царя.

В Ферапонтовом монастыре (находившемся недалеко от Кирил-ло-Белозерского монастыря) Никон содержался под надзором присланного архимандрита Новоспасского монастыря. Ему запрещено было писать и получать письма. Никон долго не хотел принимать никаких государевых запасов. Обаяние его было так велико, что и ферапонтовский игумен и архимандрит, приставленный к Никону, и, наконец, сам царский пристав Наумов величали его патриархом и принимали от него благословение. Царь снова через пристава заговорил с прежним своим другом о примирении. Никон написал царю: "Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения, но я тебя прошу только тогда, когда возвратишь меня из заточения".

В сентябре 1667 года царь повторил свою просьбу, и Никон отвечал, что благословляет царя и все его семейство, но когда царь возвратит его из заточения, то он тогда простит и разрешит его совершенно.

Но царь не возвращал Никона. Приставленный к Никону архимандрит Иосиф в 1668 году сделал донос, что к нему приходили воровские донские казаки и намеревались освободить его из заточения. Никона стали содержать строже. Перед его кельей стояло всегда двадцать стрельцов с дубинами; много несчастных, по подозрению в сношениях с опальным патриархом, было схвачено и подвергнуто пыткам.

Вскоре царь опять сжалился над ним: умерла царица Марья Ильинишна, и он отправил к Никону Стрешнева с деньгами. Никон не принял денег.

Но долгие страдания стали надламывать волю Никона. В конце 1671 года он написал царю примирительное письмо и просил прощения за все, в чем был виноват перед царем. "Я болен, наг и бос, - писал Никон, - сижу в келье затворен четвертый год. От нужды цинга напала, руки больны, ноги пухнут, из зубов кровь идет, глаза болят от чада и дыму. Приставы не дают ничего ни продать, ни купить. Никто ко мне не ходит и милостыни не у кого просить. Ослабь меня хоть немного!"

На Никоне лежало важное подозрение в сношениях со Стенькой Разиным. Сам Стенька показывал, что к нему приезжал старец от Никона. Никон уверял царя, что этого никогда не было. Царь поверил, и хотя не перевел Никона, по его желанию, ни в Иверский, ни в Воскресенский монастырь, но приказал содержать его в Ферапонтовом без всякого стеснения. Тогда Никон отчасти примирился со своей судьбой, принимал от царя содержание и подарки,

завел собственное хозяйство, читал книги, лечил больных и любил ездить верхом. Стол его в это время не только был обильный, но и роскошный. Кирилловскому монастырю велено было доставлять ему все потребное. Никон заметно слабел умом и телом от старости и болезни; его стали занимать мелкие дразги; он ссорился с монахами, постоянно был недоволен, ругался без толку и писал царю странные доносы, как, например, на кирилловского архимандрита, что он ему в келью напускает чертей.

Но в то время как низложенный патриарх таял в заточении, дело, начатое им, продолжало волновать русское общество и вызывать усиленную деятельность власти. Собор русских архиереев избрал по жребию из трех кандидатов, преемников Никону, троицкого архимандрита Иосафа, и во главе с избранным передал обсуждению вселенских патриархов вопросы, касающиеся исправлений в русской церкви. Главнейшим из этих вопросов был вопрос о расколе. Вселенские патриархи вполне утвердили приговор русского собора 1666 года, и новый собор, уже с участием вселенских патриархов и греческих архиереев, произнес анафему на раскольников в самых сильных выражениях ²².

Этот приговор имел чрезвычайную важность в последующей истории раскола; он утвердил непримиримую вражду между господствующею церковью и несогласными с нею противниками никоновских исправлений. С одной стороны, православная русская церковь с трудом могла снисходительно относиться к заблуждениям и невежеству раскольников, после того, как над ними состоялось такое страшное проклятие, утвержденное вселенскими патриархами; а с другой - раскольники лишены были уже права и возможности надеяться на какую-нибудь сделку с церковной властью и становились непримиримыми врагами существующего церковного строя, а вместе с тем и государственной власти, стоявшей на стороне церкви. Такое положение дел выказалось тотчас же после собора в бунте Соловецкого монастыря.

Этот монастырь, с самого же начала, показал себя против исправлений и все более и более делался пристанищем недовольных. В 1666 году там был архимандрит Варфоломей. Братия не любила его. Царь пригласил его на собор и после собора назначил ему другой монастырь, а в Соловки отправил архимандритом иного, по имени Иосиф. Прежний архимандрит поехал в Соловки вместе с новым, чтобы сдать последнему монастырь. Тут вспыхнул мятеж. Братия не хотела принимать нового архимандрита и прогнала его вместе с прежним. Царь, по окончании собора, отправил в Соловецкий монастырь для увещания спасо-ярославского архимандрита Сергия, того самого, который был приставом у Никона после его осуждения. Его также прогнали. Зачинщиками противодействия были тогда келарь Азарий, казначей Геронтий, а в особенности живший на покое архимандрит Никанор. Этот последний был прежде архимандритом в Саввином монастыре, пользовался расположением царя Алексея Михайловича, воспротивился было исправлению книг, на соборе принес покаяние, но, будучи отпущен в Соловки на покой, показал себя самым заклятым раскольником. "Не принимаем новоизданных книг, - кричали Соловецкие мятежники, - не хотим знать троеперстного сложения, имени Иисусе, трегубого аллилуйя! Все это латинское предание, антихристово учение; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее!.."

Но прежде открытого сопротивления, соловецкие раскольники отправили к царю челобитную (одно из наиболее распространенных и любимых раскольниковых сочинений). Они просили дозволить им отправлять богослужение по старым книгам. Царь требовал послушания, а за противность и своеволие указывал отобрать у монастыря все вотчины и не пропускать в монастырь никаких запасов. Раскольники отвечали, что они ни за что не согласны на принятие

новопечатных книг, предоставляли на волю царя послать на них свой царский меч и "переселить от сего мятежного жития в безмятежное, вечное".

Царь послал войско под начальством Волохова. Раскольники заперлись в монастыре, надеясь отсидеться и отбиться. Стены монастыря, построенные Филиппом, были крепки, на стенах было 90 пушек; запасов было собрано на многие годы. В монастырь набегало до 500 человек разного непокорного люда и в том числе воровских казаков с Дона.

Волохов вел осаду самым нелепым образом. Он сидел в Сумском остроге и беспрестанно ссорился с находившимся близ него архимандритом Иосифом: они друг на друга писали царю доносы, а между тем мятежники спокойно провозили в монастырь для себя все нужное. Наконец, ссора Волохова с архимандритом дошла до того, что они подрались, и царь в 1672 году удалил Волохова, а на место его послал стрелецкого голову Иевлева.

Иевлев действовал не лучше своего предшественника, и в 1673 году царь, недовольный им, сменил его, а на его место назначил воеводу Ивана Мещеринова.

Осада Соловецкого монастыря не могла быть ведена быстро, потому что военные действия возможны были только во время короткого лета. Летом 1674 года подошел Мещеринов к монастырю и стал палить в него из пушек. Между раскольниками сделалось раздвоение, замечательное потому, что оно, так сказать, наметило будущее раздробление раскола. Геронтий, ярый противник новых книг, находил, что хотя не следует соглашаться на принятие новой веры, но не должно сопротивляться царю. К нему пристали священники. Никанор, напротив, возбуждал мятежников к битве, ходил по стене, кадил, кропил святою водою пушки и говорил: "Матушки наши, галаночки, надежа у нас на вас, вы нас обороните!" Спор между двумя партиями дошел до того, что Никанор засадил в тюрьму Геронтия и его соумышленников священников. Келарь Наонаил Тугин и сотники: Исачко Воронин и Самко, были главными сообщниками Никанора; они положили не молиться за царя, говорили об его особе так, что, по общеупотребительному выражению их противников, "не только написать, но и помыслить страшно", и положили защищаться до последней степени. Продержавши несколько дней в тюрьме Геронтия и его сообщников, Никанор выгнал их из монастыря и стал учить, что можно жить и без священников, можно самим говорить часы и прочее. Этим положен был зародыш "беспоповщины", одного из важнейших видов, на которые разделился раскол.

Приступ не удался Мещеринову. Летом 1675 года он начал опять палить в монастырь и также неудачно.

Наступала зима. Мещеринов на этот раз не ушел в Сумский острог, а остался под монастырем, несмотря на все трудности. 22 января 1676 года при помощи перебежчика Феоктиста Мещеринов через отверстие в стене, заложное камнями, вошел в монастырь со стрельцами. Никанор и главные его соумышленники были схвачены и казнены. Упорнейшие из раскольников сосланы в Пустозерск и Колу, а прочие, которые обещали повиноваться церкви и государю, получили прощение и оставлены на месте.

Но это укрощенное возмущение было только сигналом для множества других, кончавшихся более кровавым образом. Раскол, по-видимому, подавленный в Соловецком монастыре, быстро, как пожар, распространялся по всей Руси. К нему примыкало, как к знамени, все, что было в русском народе недовольного властями и светскими и духовными. Смело можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда от церкви и стояла враждебно к мирской власти, защищавшей церковь земным оружием. Соловецкие раскольники получили славу

святых страдальцев и служили примером для своих последователей на долгие времена. Их жития перечитывались и пересказывались в народе со всевозможными баснями и чудесами. Преследуемые властями, раскольники бежали в леса, пустыни и готовились умирать за старую веру. Распространился страшный и своеобразный способ противодействия. Власти, преследуя раскольников, приняли древний способ казни - сожжение ²³, но раскольники составили себе убеждение, что этого рода мученическая смерть ведет в царствие небесное, а потому не только не устрашались ее, но сами искали. Так, когда правительство посылало отыскивать сопротивлявшихся церкви, то они, собираясь большими толпами, по приближении военной силы, сами сжигали себя, нередко тысячами. Эти самосожжения начались вскоре после Соловецкой осады в семидесятых годах XVII века и шли, возрастая. Один пример порождает другие. Самосожжения сделались обычным делом; фанатики учили, что это вернейший путь к царствию небесному. Православие в глазах народа, не хотевшего подчиняться церкви, носило название "никонианства". Имя Никона произносилось с проклятиями и ругательствами. Между тем сам виновник продолжал находиться в изгнании, и положение его, облегченное царем Алексеем Михайловичем, опять стало хуже на некоторое время.

Преемник Никона, патриарх Иосиф, скончался в 1672 году. После него стал патриархом Питирим, заклятый враг Никона, но власть его была бессильна над ферапонтовским изгнанником, находившимся под защитой царя. Питирим скончался.

Был избран в патриархи Иоаким. Некогда он был ратным человеком и участвовал в войне с Польшей, постригся в Киеве в монахи, был выписан Никоном в Москву и назначен келарем Чудова монастыря. По удалении Никона, он пристал к врагам его и, в звании чудовского архимандрита, открыто осуждал поведение Никона; и Никон был за это озлоблен против него. Этот новый патриарх сильно не желал возвращения Никона из далекого изгнания и удерживал царя, который, по своему добродушию, был способен приблизить к себе своего бывшего друга. В последнее время своей жизни царь особенно был милостив к Никону и щедро посылал к нему подарки и лакомства. В 1676 году умер Алексей Михайлович; преемник его отправил к Никону с дарами и с вестью Федора Лопухина, а вместе с тем приказал просить прощения и разрешения покойному царю на бумаге. Никон сказал: "Бог его простит, но в страшное пришествие Христово мы будем с ним судиться: я не дам ему прощения на письме!" Это естественно огорчило и молодого царя, и подало врагам Никона орудие, чтобы сделать худшим положение изгнанника. На Никона посыпались доносы. Находившийся при нем писарь Шайсулов и старец Иона, бывший прежде келейником у Никона, писали, что "он называет себя по-прежнему патриархом, занимается стрельбою; застрелил птицу баклана за то, что птица поела у него рыбу, дает монахам целовать руку, называет вселенских патриархов ворами, лечит людей, которые от его лекарства умирают, напивается пьян, рассердившись, дерется сам и другим приказывает бить монахов". Доносы эти, без сомнения, написаны были в уверенности, что, при изменившихся обстоятельствах, их примут на веру. Патриарх Иоаким подействовал на молодого государя, и Никона приказали перевести в Кирилло-Белозерский монастырь под надзор двух старцев, которые должны были постоянно жить с ним в келье и никого к нему не пускать. Никон отвергал взводимые на него обвинения, но сознавался, что вместе с игуменом бил кого-то за воровство.

За Никона, однако, при дворе молодого Федора явилась заступница; то была сестра покойного царя Татьяна Михайловна. Она издавна уважала Никона. Со своей стороны, учитель Федора, Симеон Полоцкий, также хлопотал за сверженного патриарха. Царь опять облегчил положение Никона, не велел его стеснять и предложил патриарху перевести изгнанника в Воскресенский монастырь. Со своей стороны, иноки Воскресенского монастыря подали царю

челобитную и умоляли возвратить им Никона "как пастыря к стаду, как кормчего к кораблю, как главу к телу". Патриарх Иоаким заупрямился. "Дело учинилось не нами, - говорил он царю, - а великим собором и волею святейших вселенских патриархов; не снесясь с ними, мы не можем этого сделать". Царь, несколько раз повторивши такую просьбу, собрал собор; но и собор, руководимый патриархом Иоакимом, не исполнил желания царя. Царь только написал к Никону утешительное послание. Так проходило время; наконец, кирилловский архимандрит известил Иоакима, что Никон болен, принял схиму и близок к смерти, и спрашивал разрешения: как и где похоронить Никона? Тогда царь снова молил патриарха и собор сжалиться над заточником и, по крайней мере, перед смертью порадовать его свободой. На этот раз патриарх и освященный собор благословили царя возвратить Никона из заточения.

Немедленно царь послал дьяка Чепелева привезти Никона в Воскресенский монастырь. То было в 1681 году. Никон от болезни и старости едва уже двигал ноги. Его привезли на берег Шексны, посадили в струг и поплыли по его желанию, на Ярославль. Везде по берегу стекался народ, просил благословения и приносил все потребное Никону. Его сопровождал кирилловский архимандрит Никита. 16-го августа утром достигли они Толгского монастыря, близ Ярославля. Никон причастился Св. Тайн и готовился переплыть на другую сторону Волги к Ярославлю. Здесь явился к нему архимандрит Сергей, тот самый, который издевался над ним во время его низложения. Сергей кланялся ему в ноги, просил прощения за прежнее и говорил, что оскорблял его поневоле, творя угодное собору. Никон простил его.

На другой день, 17-го августа, Никона повезли на другой берег реки. Сергей сопровождал его в струге. Народ из города и сел встречал его на берегу реки Которости, куда вошел струг с Волги. Толпа бросилась в воду и тащила струг на берег. Никон был в совершенном изнеможении и ничего уже не мог говорить. Народ целовал ему руки и ноги. День склонялся к вечеру; начали благовестить к вечерне. Никон в это время немного ободрился, оглянулся вокруг себя и начал оправлять себе волосы, бороду, одежду, как будто готовясь в путь. Архимандрит Никита понял, что настает последний час его и начал читать отходную. Никон протянулся на постели, сложил руки на груди и скончался.

Дьяк поспешил в Москву известить о смерти бывшего патриарха. Ему встретилась царская карета, посланная за Никоном.

Царь приказал привезти тело Никона в Воскресенский монастырь и отправил к патриарху Иоакиму приглашение ехать на погребение со всем освященным собором.

- Воля государева, - сказал Иоаким, - я на погребение поеду, а именовать Никона патриархом не буду и назову его просто монахом. Так собор повелел. Если царь захочет, чтобы я его именовал патриархом, я не поеду.

- Я, сказал царь, - все беру на себя и сам буду просить вселенских патриархов, чтобы дали разрешение и прощение покойному патриарху.

Патриарх Иоаким был неумолим, но отпустил новгородского митрополита Корнилия, позволивши ему поминать Никона так, как царь ему прикажет.

Погребение было совершено Корнилием с несколькими архимандритами; других архиереев не было. Никона при погребении помянули патриархом. Царь целовал мертвому руки. Тело Никона было погребено в церкви Святого Иоанна Предтечи, на том месте, где он некогда завещал себя похоронить.

По возвращении в Москву, царь послал патриарху Иоакиму митру Никона и просил поминать покойного. Но патриарх не принял этого дара и ни за что не хотел поминать Никона патриархом.

Тогда царь написал ко вселенским патриархам, и в ответ были получены грамоты, которыми вселенские патриархи разрешали причесть Никона к лику прочих московских патриархов и поминать его вечно под этим званием. Грамоты эти уже не застали царя Федора в живых. Патриарх Иоаким волею-неволею должен был поминать Никона патриархом, а за ним и вся русская церковь поминала его и поминает в этом сани.

1. В житии Никона, написанном Шуперою, сохранился такой рассказ: однажды бедный мальчик, плохо одетый, от зимнего холода залез погреться в печь. Мачеха наложила туда дров и затопила печь. Мальчик начал отчаянно кричать: прибежала его бабка, вытащила дрова из печи и, таким образом, спасла его от смерти. Назал

2. Это был обыкновенный прием гадателей и гадалыщиц -предсказывать знатность и величие. Назал

3. Здесь уже мы видим проявление того же крутого и неподатливого характера, который виден в деле раскола.Назал

4. "8 апреля, встретили (власти и бояре), - писал царь Никону, - честные мощи патриарха Иова в селе Тушине; а оттуда несли их стрельцы на головах до самой Москвы, а я, многогрешный царь, с патриархом и с освященным собором и со всем государством, от мала до велика, встречал его; и так многолюдно было, что не вместились от Тверских ворот по Неглинские. По кровлям и по переулкам яблоку негде было упасть, нельзя ни пройти, ни проехать, а Кремль велел запереть; и так на злую силу пронесли в собор. Такая теснота была; старые люди говорят, лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи, и патриарх наш отец, плачучи, говорил: вот смотри, государь, каково хорошо за правду стоять!" Назал

5. Письмо это составляет драгоценный памятник, как для характера царя и его отношений к Никону, так и вообще для духа того времени. Царь, посещавший умирающего патриарха, так уважал его сан, что кланялся ему в землю и целовал в ногу, но забыл спросить его о духовной, вменил себе это в грех и за то просил прощения у Никона. "Великий святитель, - писал царь, - равноапостольный богомолец наш, преосвященная глава, прости меня за то грешного; обманулся я тем, что думал так себе с ним, трясовица, а оно впрямь смертная; по языку можно было признать, что худо говорит и сквозь зубы; и помышлял я в себе, что знобит его больно, оттого он и без памяти, и пришло мне на ум великое сомнение: стану я ему говорить про духовную, а он скажет "вот меня и сбывают!" да станет сердечно гневаться; и думаю я себе: утро еще я побываю у него. Прости меня, Христа ради, великий святитель, за такое согрешение, что я не вспомнил о духовной. Не с хитрости я это сделал, ей-ей не с хитрости это сделалось; сатана помешал такое дело совершить. У тебя, великого святителя, прошу согрешениям моим прощения и благословения и разрешения..." Но вот к царю прибежали сказать, что патриарха не стало, царь так описывает впечатление, произведенное этим событием: "В ту пору ударил царь-колокол три крата, а на нас такой страх и ужас нашел, и в соборе у певчих и у властей от страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли..." Когда тело усопшего патриарха было одето и положено, царь любовался им: "Лежит, - выражался он, - как есть, жив, и борода расчесана, как у живого, и сам немерно хорош... таков хорош во гробе лежит, только что не говорит..." Но в ночь с пятницы на субботу

умерший патриарх уже не был так хорош и напугал царя Алексея Михайловича: тело его, разлагаясь, начало вздвигаться, священник, читавший псалтырь, услышал шум от трупа и, когда царь вошел в церковь, где лежал труп, сказал царю: "Меня такой страх взял, думал, что ожил! Я двери отворил, хотел бежать". - "Прости, владыка святой, - писал царь Никону, - от этих речей меня такой страх взял, что я чуть с ног не свалился... и пришло мне такое помышление от врага: побеги ты вон, тотчас вскочит, да тебя ударит! А нас только я, да священник, что псалтырь говорит. Я перекрестился, да взял за руку его света, и стал целовать, а в уме держу такое слово: от земли создан и в землю идет; чего бояться..." В Великую субботу хоронили патриарха, и митрополит казанский Корнилий положил ему в гроб разрешительную грамоту; царь писал об этом так: "Все мы надседались плачучи; не было человека, который не плакал, на него смотря, потому что вчера с нами, а ныне безгласен лежит, а се к таким великим дням стало!" Но после похорон царю были нового рода хлопоты: покойный патриарх был большой стяжатель, копил деньги, собираясь купить себе вотчину и дать по душе в собор. Много было у него дорогих материй и серебряной посуды; все было заботливо вычищено, обернуто бумагою, на чердаке лежало оружие: пищали, сабли, и все смазано; но очень немногое было записано: патриарх знал на память все, что у него есть, а келейники не заведывали его вещами. Сам царь ходил описывать достояние умершего патриарха. "Прости, - пишет он Никону, - владыка святой, и половины не по чем отыскать, потому что все без записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и в том меня, владыка святой, прости, немного и я не покусился иным сосудам, да милостью Божиею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыка святой, ни маленькому ничему неточен..." Много из казны патриарха царь раздал на милостыню, на окуп пленных, по тюрьмам, по монастырям, созвал всю патриаршую прислугу и всем давал по десяти рублей; тут оказалось, что "свет-патриарх" не по-христиански обращался со своими подначальными. "Все вконец бедны; и он, свет, жалованья у них гораздо убавил", - сообщает царь Никону. Раздавая это жалованье слугам, царь произнес им такое знаменательное в духе своего времени нравоучение: "Есть ли из вас кто-нибудь, кто бы раба своего или рабыни без дела не оскорбил? Иной раз за дело, а иной раз, пьян напившись, оскорбит и напрасно побьет; а он, великий святитель и отец наш, если кого и напрасно оскорбил, от него можно потерпеть, да уж что бы ни было, так теперь пора всякую злобу покинуть. Молите и поминайте с радостью его, света, елико сила может". Назал

6. Царь в угоду своему любимцу приписал к Иверскому монастырю пригород Холм, с крестьянами, деревнями и угодьями. Назал

7. Никон завел, или лучше сказать, перенес из Хутынского монастыря типографию (которая заведена им была еще во времена пребывания его в Новгороде) в свой любимый Иверский монастырь. В этой типографии напечатаны были: "Учебный Часослов", "Мысленный Рай" Стефана Святоторца, самого Никона: "Сказание об Иверской иконе", о Создании Онежского Крестного монастыря, Поучение к духовным и мирским, Канон о соединении веры и пр. Назал

8. Невежество тогдашних справщиков действительно отразилось в изданных ими книгах, куда вошли разные освященные временем нелепости, напр., в молитвах на рождение младенца упоминается, как достоверный факт, басня о бабе Соломии, которая, в качестве повивальной бабки, принимала Иисуса Христа и свидетельствовала: не нарушено ли девство Богородицы, а в отпусках говорится о праздниках, как о лицах, наравне со святыми: напр. молитвами Пречистая твоя матери, честного ея Благовещения или честного Успения и т. п. Назал

9 Это были протопопы, москвичи: Степан Вонифатьев, царский духовник; Иван Неронов, протопоп Казанского собора; дьякон Благовещенского собора Федор; приглашенные из городов

протопопы: Аввакум из Юрьевца Повольского, Логин из Муром, Лазарь из Романова, Никита Пустосвят из Суздаля и Даниил из Костромы. Назад

10. Он обратил особое внимание на Никона, который в это время из новоспасских архимандритов был посвящен в новгородские митрополиты. Паисий дал ему грамоту, в которой восхвалял его достоинства и предоставил ему в знак отличия право носить мантию с красными "источниками" (пришивками). Назад

11. Между прочими константинопольский патриарх Афанасий, умерший на возвратном пути в Лубнах и чтимый в Лубенском Мгарском монастыре, под именем Афанасия сидящего. Назад

12. Неронов пока оставлял в тени вопрос об исправлении и нападал на Никона за его жестокость. "Патриарх, - писал он к своим друзьям, - мучитель, терзает свою братию, членов церкви, творит над ними поругание, одних расстригает, других проклинает. Беззаконное дело будет быть у него в послушании без прекословия. Он хочет, чтоб мы просили у него прощения; пусть он у нас просит! Государь всю свою душу и всю Русь положил на патриархову душу; не хорошо так мудрствовать государю!.." Назад

13. Антиохийский ли или Кирский, или какой иной; и если Кирский, то перевода его на славянском языке нет; если же где и есть, то нельзя принимать на веру всего, что он писал, потому что он был противник Кирилла Александрийского. Назад

14. Он называл ложью слова Уложения, будто бы бояре, составлявшие его, выписывали статьи из правил Св. апостол, Св. отец, вселенских соборов и законов греческих царей. В Уложении говорится: "Суд государя царя". - "Нет, - возражает Никон, - суд Божий есть, а не царев, не человека суд, а Богом дан человекам. Цари только слуги Божии". В Уложении запрещено судить в приказах, кроме великих царственных дел, в большие праздники и в дни рождения государя и членов его семейства. Никон возмущается сопоставлением царских дней с господскими праздниками: "Что это за праздники? Что это за таинство? Все любострастно и по-человечески! Не только уподобил человека Богу, но и предпочел Богу!" По поводу денежного бесчестия и телесных наказаний, положенных за оскорбление духовных, Никон восклицает: "Откуда ты, беззаконник, выдумал, в противность божественных заповедей и уставов Св. апостол и Св. отец, возмерять против зла злом, побоями и платою серебра по качеству и количеству!" Его возмущало то, что какое бы то ни было дело, касающееся патриарха и духовенства, может разбираться и судиться светскою властью. 83 и 84 ст. гл. X Уложения говорят о бесчестии, положенном на духовных лиц, за оскорбление бояр, окольничьих и других лиц: "Не дьявольский ли это закон? - спрашивает Никон. - Ей-ей, самого Антихриста; выдуман для того, чтобы никто не смел от страха проповедывать правды Божией, по написанному: не обличай безумных, да не возненавидят тя. В X гл. в 1 статье написано: суд один от мала до велика, без различия чина и достояния стало быть, и казни одинаковые, как простым людям, так и священному чину! Хорошо сделал бы всякий человек священного чина от патриарха до последних причетников, если бы не послушал и не пошел на твое беззаконное судище, но наплевал на закон и на судью беззаконного, как поступали отроки по повелению цареву. Вот, в книге Прологе пишется, как святые мученики и исповедники, влекомые на судище, не только не повиновались, но оплевали и проклинали их беззакония. Так и теперь, если кто хочет мужественно подвигнуться за заповеди Христовы и за каноны Св. апостол и Св. отец, тот пусть не только судьи не слушает, но оплюет и проклянет его повеление и закон. И если кто у пристава отнимет наказную или приставную память (за что в 142 ст. X гл. положено наказание кнутом), и издерет ее, и оплюет ее и потопчет, тот не погрешит, как и первые мученики... О

богоборче, князь Никита, что ты это говоришь про слободы патриаршие, владычни и монастырские? Не все ли Божии и мы все Божии, кроме тебя и подобных тебе? Священническая часть - Божья часть и достояние. Не должно рассуждать об управлении епископом церковного имения: он имеет власть управлять им, как перед лицом Бога. Если епископам поручены человеческие души, то тем паче следует им поручить имения, чтобы они устанавливали в них все власти и через руки честных пресвитеров и дьяконов подавали требуемое убогим... Где написано, чтобы парям и князьям, и боярам, и дьякам судить духовных? Перечти все правила не только христианские, но и мучительские: нигде не найдешь, чтобы можно было судить патриарха! Епископов и митрополита, по 9 правилу четвертого вселенского и карфагенского соборов, могут судить только епископы всей области, если их будет не менее двенадцати. Пресвитера судят шесть епископов, дьяка три причетника вместе с епископом. По каким же ты законам вымыслил судить в монастырском приказе простым людям митрополитов, епископов, архимандритов, игуменов, попов, дьяконов, причетников?" Так относился Никон к Уложению, книге законов государства, которая была утверждена приговором выборных людей всей русской земли. Никон не давал значения этому приговору: "Всем ведомо, - говорил он, - что сбор был не по воле, от боязни междоусобия всех черных людей, а не ради истинной правды". О дьяках и приказных людях, в руках которых было Уложение, Никон отзывался так: "Это - ведомые враги Божии и дневные разбойники: без всякой боязни днем людей Божиих губят!"

Выходки подобного рода, без сомнения, Никон позволял себе и в то время, когда его могущество уже пошатнулось, но еще не доходило до явной размолвки. Никон говорит в письме к константинопольскому патриарху Дионисию: "У его царского величества составлена книга, противная Евангелию и правилам Св. апостолов и Св. отец. По ней судят, ее почитают выше Евангелия Христова. В той книге указано судить духовных архиереев и их стряпчих, детей боярских, крестьян, архимандритов, и игуменов, и монахов, и монастырских слуг, и крестьян, и попов, и церковных причетников в монастырских приказах мирским людям, где духовного чина нет вовсе. Много и других пребеззаконий в этой книге! Мы об этой проклятой книге много раз говорили его царскому величеству, но за это я терпел уничижение и много раз меня хотели убить. Царь был прежде благоговеем и милостив, во всем искал Божиих заповедей, и тогда милостию Божиею и нашим благословением победил Литву. С тех пор он начал гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Он же в архиерейские дела начал вступаться, судами нашими овладел: сам ли собою он так захотел поступать, или же злые люди его изменили, - он уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложил совет старых мужей и слушал совета тех, которые с ним воспитывались". Назал

15. Вся эта беседа Никона с Трубецким основана на собственном письме Никона к константинопольскому патриарху. По другим известиям, Никон в это время говорил только, что сходит с патриаршества по своей воле. Ничто не подает повода сомневаться в известии, сообщаемом письмом Никона. Всему церковному ведомству нанесена была жестокая обида после того, как оскорбление, сделанное патриаршему боярину, оставлено самим государем без внимания. Притом патриарху было объявлено, что царь на него гневается. Московскому патриарху приходилось, естественно, говорить присланным боярам именно те слова, какие он сообщает в письме константинопольскому патриарху. Это согласно и с характером Никона, который в это время должен был находиться в сильно раздраженном состоянии. Он, конечно, надеялся, что, после заявленного отречения, царь так или иначе сам захочет с ним объясниться. Но Алексей Михайлович как будто назо прислал к нему недоброжелателей. Со своей стороны и боярам вполне естественно было сделать ему упрек о вмешательстве в государственные дела,

за что они и прежде на него злобствовали. Назал

16. Весною 1659 года Никон, услышавши, что крутицкий митрополит в Москве совершал обряд шествия на осле в день вербного воскресенья, написал государю письмо, в котором осуждал этот поступок, считаемый им исключительною принадлежностью патриаршего звания. "Некто, - писал он царю, - дерзнул олюбодействовать седалище великого архиерея. Пишу это - не желая возвращения к любоначалию и ко власти. Если хотите избирать патриарха благозаконно и правильно, то начните избрание соборно, и кого божественная благодать изберет, того и мы благословим. Если это совершилось по твоей воле, государь, Бог тебя прости, только вперед воздержись брать на себя то, что не в твоей власти!" Царь отправил к Никону приближенных лиц объяснить, что уж издавна в России митрополиты совершали это действо. Никон возразил, что это прежде делалось неведением. Вероятно, во время Никонова патриаршества, уже прежде сделано было распоряжение о том, что означенное действо должно принадлежать только патриарху. Ему заметили, чтобы он более не вмешивался в этого рода дела. Никон отвечал, что он паству свою оставил, но не оставлял попечения об истине. "И простые пустыnnики, - сказал он, - говорили царям греческим об исправлении духовных дел". - "Но ведь ты от патриаршества отрекся, - сказали ему, - и дал благословение на избрание себе преемника". - "Да, отрекся, - отвечал Никон, - не думаю о возвращении на святительский престол, и теперь даю благословение на избрание преемника; но я не отрицаюсь называться патриархом". Назал

17. "Говорят, будто я много ризницы и казны взял с собою - я взял один только саккос, и то недорогой, а омофор прислал мне халкидонский митрополит. Казны я с собою не взял, а удержал немного, сколько нужно было на церковное строение, чтобы расплатиться с работниками. Где другая казна, то всем явно, куда она пошла: двор московский стоит тысяч десять, на постройку насадов истрачено тысяч десять, а этим, тебе государь, я челом ударил на подъем ратный; да лошадей куплено прошлым летом тысячи на три, да тысяч десять есть в казне. Шапка архиерейская тысяч в пять-шесть стала". Назал

18. "Молитва его да будет грехом; да будут дни его кратки; достоинство его да получит другой; дети его да будут сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавец захватит все, что у него есть, и чужие люди разграбят труды его; пусть дети его скитаются и ищут хлеба вне своих опустошенных жилищ... Пусть облечется проклятием, как одеждою, и оно проникнет, как вода, во внутренности его, и, яко елей, в кости его" и пр... Назал

19. Замечательно, что для Никона ничего не значило изречь церковное проклятие по собственным делам. У одного купца, Щепоткина, взял он в долг 500 пуд. меди на отливку колокола. Щепоткин в уплату этого долга роздал товары, которые патриарх поручил ему продать. Никон нашел счет Щепоткина неправильным и вместо судебного иска поразил его проклятием. Назал

20. Ефрем Потемкин, инок Григорий, бывший протопоп Миронов, игумен Златоустовского монастыря Феоктист, Герасим Фирсов, иеромонах Сергей, Серапион смоленский, Антоний муромский, иеромонах Авраамий, игумен Сергей. Назал

21. По древним правилам, если призываемый на собор ослушивается, его приглашали три раза и после третьего приглашения обвиняли. Назал

22. "Сие наше соборное повеление и заветание ко всем вышереченным чином православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святей Восточней церкви. Аще ли

же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей Восточней церкви и сему освященному собору, или начнет преклословити и противлятися нам: и мы такового противника, данною нам властью от всесвятаго и животворящаго Духа, аще будет от освященного чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и благодати, и проклятию предаем; аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всесочленения и стада и от церкви Бо-жия отсекаем яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто не вразумится и не возвратится в правду покаянием, и пребудет в упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и непрощен, и часть его и душа со Иудою предателем, и с распеншими Христа Жидовы, и со Арием и с прочими проклятыми еретиками, железо, камение и дрeвеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет неразрешен и неразрушен и яко тимпан, во веки веков аминь. Сие соборное наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом нашими руками, и положихом в дому Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, в патриархии богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея России, в вечное утверждение и в присное воспоминание, в лето от сотворения мира 7175, от воплощения же Бога слова 1667, индикта 5, месяца мая в 13 день". Назал

23. Так, 1681 года 1 апреля, в Пустозерске сожжены были в срубе, за хулы на церковь, протопоп Аввакум, бывший поп Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний, сосланные в Пустозерск 14 лет назад. По преданию, сохранившемуся у раскольников, Аввакум перед смертью показал народу двуперстное крестное знамение и сказал: "Коли будете таким крестом молиться, во век не погибнете, а покинете этот крест, и город ваш песок занесет и свету конец настанет!" Назал